

Тимофей Печерин

РАЗРУШИТЕЛЬ МАГИИ

Далекое прошлое или столь же отдаленное будущее? Другая планета или, скорее, какой-то другой, параллельный мир? Впрочем, для Ильи Криницкого вопрос «Где я?» не так важен, как другой: «А что делать дальше?» Можно смириться с выпавшим жребием — участью бесправного пленника, но Илья предпочел побороться за лучшую долю. А необычная способность, бесполезная в нашей реальности, но теперь внезапно обнаруженная, ему в этом поможет.

Тимофей Печёрин
Разрушитель магии

Илья Криницкий никогда не считал себя каким-то особенным человеком. Ну, актер... ну так и что с того? Не звезда ведь — во-первых. А во-вторых, Илья знал почти наверняка: на каждую звезду в его профессии найдутся тысячи таких же, как он неудачников, прозябающих в ТЮЗах провинциальных городков или стоящих в длинной-предлинной очереди на хотя бы третестепенную роль в очередном сериале.

Не видел Илья Криницкий и ничего уникального в собственном браке — оказавшемся, увы, неудачным. Не он один, не он первый, не он последний попал в число тех мужчин, чья «вторая половинка» некогда влюбилась в молодого и, несомненно, талантливую красавца... чтобы в итоге с досадою осознать, что она вот уже энный год замужем за сорокалетним нищесбродом и лузером. Да с ранней сединой, вдобавок, с наклевывающейся лысиной и склонностью к выпивке.

Ну да супруга-то в итоге от Ильи отвязалась, причем отделался Криницкий сравнительно легко. Детей у них не было, из имущества делить при разводе тоже по большому счету было нечего. Вот только если бы все неприятности ограничивались коллизиями семейной жизни... Увы и ах: имелись и такие обстоятельства, избавиться от которых с той же легкостью Илья не мог и мечтать.

И сложились те обстоятельства таким образом, что оказался Илья Криницкий хоть в чем-то, да не просто особенным. Но даже, наверное, уникальным. Потому что едва ли на свете найдется много людей, способных с точностью до дня предсказать собственную смерть.

Да что там «до дня»! Шагая по тротуару и приметив боковым зрением черный «БМВ» остановившийся в нескольких шагах от него, Илья смог повысить точность предсказания даже до часов. И открытие это, само собой, не могло его порадовать.

А дело было вот в чем. Нищенская зарплата, которую Криницкий получал в родном ТЮЗе, решительно не устраивала не только злополучную женушку, но и его самого. Хотелось зарабатывать больше — и не столько ради уважения супруги, сколько для себя самого. Чтобы хотя бы питаться нормально. Потому Илья отчаянно искал дополнительные заработки, не будучи при этом сильно разборчивым.

Несколько лет он подрабатывал частным извозом — «бомбил» на стареньких «жигулях» с то болезненно кашляющим, то нутужно ревущим мотором. А прежде, чем власти объявили «бомбилам» войну, успел познакомиться с весьма полезным человеком, оказавшимся в числе его клиентов.

У того седого, но еще крепкого и жилистого невысокого мужичка не было собственного автомобиля, как и избытка денег, чтобы тратить их на нормальное такси. А может, деньги-то имелись, да только искал мужичок не столько профессионала, сколько сговорчивого человека. Потому как главным активом своим полагал не купюры и даже не недвижимость, а связи. Коими успел обзавестись отнюдь не в элитарном университете. Но в местах не столь отдаленных, где провел, по собственным словам, чуть ли не полжизни.

Этот-то мужичок, в душевной беседе с Ильей приметив в последнем «толкового пацана», подсказал, к кому тот бы мог обратиться на предмет подработки. «Главное, скажи, что от Зелого, — говорил этот словоохотливый клиент, — кто надо, поймет... если не ссучился еще... должок не забыл».

Конечно, работа, на которую мог рассчитывать Криницкий у знакомых Зелого, и была соответствующей. Не из тех, что предполагают сидение в офисе от звонка до звонка или, тем паче, упражнения в сценическом мастерстве. С другой стороны, убивать или запугивать лично Илье никого не потребовалось. На то имелись профессионалы, к каковым Криницкий, к добру или к худу, не относился.

Нет, обязанности у актера-неудачника были куда проще. И гораздо менее обременительные. «Мальчик на побегушках» или «передаст» (существительное) — так он окрестил про себя свою теневую профессию. С частотой примерно раз-два в неделю от него требовалось что-то куда-то доставить или передать чего-то и кому-то. Хоть пачки хрустящих банкнот, а хоть и какой-нибудь товар. Из тех, что в магазинах не продаются.

Вот из-за товара-то, собственно, Криницкий и влип в неприятности.

Очередной груз, доверенный ему для доставки, оказался пакетиком небезызвестного порошка, весу, что немаловажно, совсем крошечного. Грамм десять — сунешь в карман и незаметно. Заводить ради такой крохотули машину Илья счел для себя лишними хлопотами, до пункта назначения предпочтя добраться пешком. Полезно ведь, в конце-то концов! А то живот уже расти начал, уменьшая и без того ничтожные шансы Криницкого стать звездой.

И угораздило же именно в этот раз нарваться на полицейский патруль! Не нос к носу, к счастью — трех парней в темно-серой форме Илья заметил в паре сотен шагов, за одним из поворотов. Но и этого хватило, чтобы испугаться. Чтобы представить, как эти трое прицепятся именно к нему. Как пойдут расспросы, затем предложение показать документы, а там и до обыска недалеко. И то, что полицейских сопровождала здоровенная овчарка, вывалившая из рта язык по случаю жаркой погоды, Криницкого тоже отнюдь не успокаивало. Что если эта тварь была специально натаскана на наркотики?.. В таком случае судьба Ильи была предрешена, и шансы услышать суровое «пройдемте» устремлялись к ста процентам.

Вдобавок, примерно в той же степени Криницкий был уверен, что рассчитывать на помощь работодателей, хозяев злополучного пакетика, не приходится. Куда ему — мелкой сошке-то! Скорее уж его бы, напротив, убрали, чтобы лишнее не сболтнул, да тем не подвел под монастырь неких серьезных людей. Вот это запросто: для людей этих, серьезных, даже тюремные стены не являются непреодолимой преградой.

На ходу рассуждая в таком ключе, Илья не стал дожидаться общения с патрулем. Но спешно отступил обратно за угол и просунул злополучный пакетик через решетку ливневой канализации. Сам же заскочил за дверь ближайшего магазина, думая, что выбрал меньшее из зол. Да, груз потерял, но зато не попался. А значит, не расколется, не выдаст никого. То есть оставался вроде бы хоть крошечный, но шанс оправдаться. Так Криницкий успокаивал себя.

В пункт назначения он тогда так и не дошел. Не удосужился и связаться с патроном — тем человеком, что доверил Илье маленький, но ценный груз. Рассчитывал, что тот позвонит сам. И уж тогда его худо-бедно, но успокоить.

Работодатель, однако ж, не позвонил. А следующим вечером, возвращаясь с репетиции, Криницкий заметил тот самый треклятый «БМВ» — черный, совсем как аналогичный автомобиль в некогда нашумевшем фильме и в совсем уж набившем оскомину эстрадном хите примерно тех же времен. Ну, или как один из Всадников Апокалипсиса. Символизирующий, кажется, голод.

И понял, что все расчеты его оказались неверны. Шанса выпутаться не было.

Те двое, что вылезли из «бумера», оказались Илье даже знакомы. Погоняла их были

Кирпич и Заноза. Первый — почти квадратный качок среднего роста, второй — высокий, поджарый и чуточку нескладный.

Опершись одной рукой о дверцу автомобиля, другую руку Заноза приложил ко лбу, глядя перед собой. Кирпич же степенной, неспешной на первый взгляд, но на деле стремительной, походкой направился в сторону Ильи. А тот и не пытался удрать, не говоря уж о сопротивлении. Просто оцепенел от страха — точно кролик на ночной трассе, угодивший под свет фар.

— Слышь, шнырь, — беззлобно обратился к Криницкому Кирпич, поравнявшись с ним и положив тяжелую лапищу актеру на плечо, — делишки к тебе есть.

Убрал он руку лишь, когда подвел Илью к «БМВ» и втолкнул внутрь, на заднее сиденье. Сам устроился рядом, тогда как Заноза сел за руль.

Машина тронулась — почти беззвучно, не чета «жигуленку» Криницкого. Ехали достаточно быстро, так что за пределы города, на тракт, выбрались, от силы, минут за пятнадцать. А то и за десять вообще. Тем более, город был невелик. Из тех, где кое-как пытается свести концы с концами и избежать банкротства единственная фабрика. И где, к слову, у жителей не так много денег, чтобы после всех платежей за коммуналку кормить досыта еще и местный ТЮЗ с его несостоявшимися звездочками.

На тракте, а паче, при виде приближающейся стены леса, Илье так некстати вспомнился анекдот из категории черного юмора. «Плохая это примета: ехать ночью, тем более в лес, тем более в багажнике». Криницкий и прежде не был поклонником черного юмора, но теперь от сего образчика народного остроумия и вовсе впал в уныние. Илья чувствовал: еще немного, и он решится на какую-нибудь отчаянную глупость. Например, выбьет тонированное стекло, чтобы выскочить. Или вцепится тому же Кирпичу в горло.

Вернее, он попытается выбить и попытается вцепиться. Не сомневаясь в безнадежности этих попыток. И просто оттого, что терять уже нечего...

— Очкуешь? — почти участливо поинтересовался Кирпич, словно угадав мысли Криницкого. Да улыбнулся: сам думал, наверное, что добродушно. Однако на взгляд Ильи — с издевкой.

— Да не парься... — не оборачиваясь, бросил с водительского сиденья Заноза.

«И правда, чего париться-то, — со смесью сарказма и горечи подумал на это Криницкий, — будь здесь какая-то неопределенность... если б я хоть что-то не понимал, тогда стоило бы париться. Волноваться и гадать. А раз все ясно и очевидно даже дураку, тогда и впрямь, лучше успокоиться. И помолиться... хотя бы».

— ...тот порошок фигня был на самом деле, — продолжал между тем Заноза, — поможешь нам — считай, твой косяк простился.

А вот последняя фраза Илью уже заинтересовала.

— Покажи ему, Кирпич, — попросил напарника Заноза, и тот достал из лежавшей рядом на сиденье спортивной сумки цепь толщиной примерно с мизинец.

Цепь блестела позолотой... а возможно, была и по-настоящему золотой. Ближе к середине с нее свисали на манер бороды еще несколько цепочек — маленьких и тонких. Если цепь носить на шее, предположил Криницкий, «борода» будет примерно соответствовать груди.

— Какое-то украшение, — осторожно промолвил Илья, поглядев на цепь, — золотое, наверное... дорогое.

— Ай, маладэц дарагой! — с притворным восхищением воскликнул Заноза, бездарно

подражая кавказскому акценту, — а мы и не знали. И что бы мы делали без тебя, умного такого. Да только так легко не отделаешься, если не понял.

Последнюю фразу он произнес уже тоном предельно серьезным. Без тени иронии, благодушия или игривости.

— Небольшая история, — сообщил Кирпич, сам многословием не отличающийся. А значит, и истории рассказывать не мастак.

— Тут фраерок один на той неделе объявился, — перешел к объяснениям Заноза, — притащил эту штуку. И попытался впарить одному Серьезному Дяде.

Имя Серьезного Дяди, с ходу понял Криницкий, знать ему не полагалось.

— ...за немаленькое лавэ, как ты понял, наверное. Ну, Дядя, не будучи лохом, решил бабки-то сразу не выкладывать, а сначала потолковать с фраерком по душам. Где, мол, взял такую красоту. Ну, фраерок раскололся... поехали они с Дядей да с пацанами его в лес, как мы сейчас. Приехали в то место, где фраерок показал. А там... ну типа дыра такая в воздухе.

— Дыра? — не понял и переспросил Илья, — в воздухе?

— Хрень, в общем, какая-то неведомая. Облако не облако, дыра не дыра. Приедем — сам увидишь. Усек? Ну, шмыгнул фраерок в эту дыру... только его и видели. Вернее, не видели больше, понял?

Последнее слово Заноза произнес с ударением на букве «я».

— Подождал Серьезный Дядя день, два... может и больше, — продолжил он свой рассказ, — потом снова приехал к этой дыре. Сам не сунулся, но одного из пацанов послал.

— И конец был немного предсказуем, — хмыкнул Кирпич. А до Ильи Криницкого, наконец, дошло, что именно от него потребуется.

Догадка подтвердилась, после того, как «БМВ» сначала съехал с тракта на просеку, затем примерно на километр углубился в лес и, наконец, остановился на небольшой поляне. Там-то незадачливый актер собственными глазами увидел предмет интереса пленивших его людей. И тех, кто стоял за ними.

Выглядело странное явление, словно мутное грязное пятно на стекле... с той лишь разницей, что располагалось это пятно высотой в человеческий рост прямо в воздухе. И не просто там висело — в нем можно было заметить какое-то дрожание, шевеление. Вдобавок, при взгляде сквозь пятно, очертания предметов искажались до неузнаваемости. Что в сочетании с вышеназванным дрожанием лично у Криницкого вызывало мигрень.

— Пройдешь туда, попробуешь разобраться, что к чему и вернуться назад, — отдавал последние распоряжения Заноза, одной рукой указывая в направлении пятна, а в другой уже держа пистолет, — вернешься — ждем тебя с Кирпичом... через недельку. С докладом. В кафе «Пихта»... знаешь, где это?

Илья молча кивнул, выбираясь из машины. Что будет в случае отказа исследовать неведомое пятно, он не спрашивал. Оружие в руке Занозы отвечало на этот и другие подобные вопросы заранее. И доходчивей всякий слов.

— А не вернешься... ну что ж. По крайней мере, свечку за тебя я поставлю. За базар отвечаю. Вопросов нет? Вперед.

Хоть не хотелось Криницкому соваться в загадочную аномалию, но перспектива спорить посреди леса с двумя вооруженными людьми прельщала его еще меньше. Поэтому, глубоко вздохнув, Илья решил выбрать меньшее из зол... опять. И вновь (вот совпадение-то!) из-за своей побочной работы.

«В конце концов, тот бедолага, что цепь продать хотел, сам в пятно полез, —

успокаивал актер себя напоследок, — а значит, был уверен, что бояться нечего...»

Оглянувшись на Кирпича и Занозу еще раз — те стояли у «БМВ» и выжидающе смотрели ему вслед — Илья осторожно шагнул в направлении пятна. Раз шагнул, другой... пока не подошел к нему вплотную.

А потом был еще один шаг, последний...

Илья не успел ни моргнуть, ни вздохнуть, когда относительно ровная почва под ногами сменилась пустотой... нет, пропастью... нет, оврагом... или, скорее, склоном холма. Причем довольно-таки крутым склоном и высокого холма. Криницкий съезжал по нему вниз, судорожно перебирая ногами и с треском ломая кусты, встретившиеся на пути.

Последние метр-два до земли он вообще преодолел, скатившись кубарем. И только естественная подстилка из папоротников и еще каких-то кустиков — низеньких, раскидистых — мало-мальски смягчила падение незадачливого исследователя. Позволив тому избежать переломов и иных травм.

А когда жесткий спуск, наконец, завершился, Илья приподнялся с примятой им травяной перины и принялся осматриваться, через каждые несколько секунд судорожно и не без облегчения вздыхая. Сердце тараном билось в грудную клетку. Лицо покрывал пот... грязный, разумеется. И все-таки самого страшного, чего следовало бы ожидать, не произошло. Криницкий остался жив. Чем-чем, а смертельной ловушкой загадочное пятно, оно же облако, не оказалось. По крайней мере, пока.

А чем тогда это пятно является?

Вокруг Ильи по-прежнему возвышался лес — летний, зеленый. Как тот, в который намеренно они приехали с Кирпичом и Занозой... если не тот же самый. А за спинок действительно остался холм: высоченный, поросший соснами. Холм, неведь откуда взявшийся. Ведь до того, как Криницкий шагнул в пятно-дыру, его рядом не было. Зато были Кирпич, Заноза и их «бумер»... ныне исчезнувшие без следа. Чтоб убедиться в последнем, Илья осмотрелся еще раз. После чего хмыкнул: да, действительно, никого. Вообще ни единого человека поблизости, кроме него самого.

Вопрос: почему?

Если память не изменяла Криницкому, гениальный Шерлок Холмс советовал из всех версий и предположений отместить наиболее невероятные. И тогда то, что оставалось, можно было принять за истину... ну или хотя бы за рабочую гипотезу. В данном случае таким вот, подлежащим отбрасыванию, предположением Илье показалось то, что пресловутое пятно-де каким-то образом изменило рельеф местности. Вырастив на ровном месте холм. И одновременно спровадив Занозу и Кирпича по самому известному в народе адресу.

Почему такое объяснение следовало считать невероятным? Да потому, что прежде ничего подобного не случалось. Ни когда бедолага-торгаш с пятном соприкоснулся, ни когда полез в него один из братков неназванного Серьезного Дяди. В обоих случаях никто вроде не пропал... за исключением самих торговца и братка. А из этого следовало, что не Кирпич и Заноза куда-то делись, но исчез он, Илья Криницкий. Для них — коль все в мире относительно. То есть, где-то исчез, а где-то, слава Богу, появился. Благо, оказалось пятно не ловушкой, вроде гигантской мухоловки, пожирающей любопытных варвар обоих полов, а, скорее...

«...порталом! — сообразил Илья, — или, правильнее говорить, телепортом?..»

С фантастикой Криницкий был знаком и довольно близко. Правда, все больше по фильмам, которые смотрел не без мазохизма — в силу профессии и сопутствующего ей чувства уязвленной справедливости. Проще говоря, Илья нет-нет, да норовил примерить на себя роль того или иного экранного персонажа. И задавался вопросом: а сумел бы он сам так

же сыграть. Причем всякий раз себе же и отвечал: да запросто, да одной левой — причем ногой!

Не требовалось, по мнению Криницкого, особого таланта, чтобы, например, как Дарт Вейдер, закрыть лицо маской, говорить сквозь нее, тем делая голос безжизненным, и поминутно шипеть и кряхтеть. Или как джедай — размахивать световым мечом с техничностью подростка, пару раз посетившего секцию фехтования.

И совсем уж не испытывал респекта и уважухи Илья к Нео, сыгранному Киану Ривзом — к этому сопляку с мимикой статуи, редкими репликами «ни о чем» и акробатикой, смоделированной с помощью компьютерной графики. Как и к тупому металлическому болвану Робокопу.

«А ведь хорошо устроились те бездарности, — еще сетовал Криницкий в застольных беседах с коллегами по ТЮЗу, — миллионы гребут. Да не рублей — долларов! А мы тут как рыбы об лед бьемся. Да «Дошираком» питаемся. Тьфу!»

Ненадолго отдавшись этим бесполезным воспоминаниям — просто чтобы передохнуть — Илья затем вернулся к вопросам насущным. К самому главному из них: «И что дальше?» А дальше, не иначе, следовало разобраться, куда именно его занесло тем треклятым порталом.

А занесло вроде бы недалеко... но лишь на первый взгляд. То, что находился Криницкий, как и до переноса, посреди леса, если вдуматься, ни о чем не говорило. Лес — явление довольно-таки тривиальное. Из средней полосы России Илью могло забросить хоть на просторы Восточной Сибири, хоть в Канаду или даже, кажется в Новую Зеландию. И разницу бы он, попав из леса в лес, вряд ли бы заметил, не будучи знатоком растительного мира разных континентов и стран.

Поразмыслив так, Криницкий пришел к единственному выводу, в коем видел хоть какую-то пользу. В какой бы уголок родной страны или планеты Земля его ни занесло, речь почти наверняка шла о месте, населенном людьми. Населенном, может быть, и не столь густо — от ближайшего города или деревни Илью могли отделять километры и километры. Но дойти все равно можно. Необитаемых земель в мире по большому счету не осталось, полюса не в счет. И из всего вышесказанного следовало, что лучше всего для Криницкого было попробовать выбраться из леса. Найти людей. А уж расспросив их, выяснить, где он оказался.

Посидев на траве еще с полчаса, собравшись с силами, Илья встал и двинулся через лес... неосознанно держась направления к солнцу.

Лучи дневного светила пробивались в чащу, минуя стволы и ветви деревьев. И, как Криницкий заметил невзначай, были слишком яркими — словно не вечер, хоть и ранний, стоял, а примерно вторая половина дня.

Но если и увидел в этом закинутый невесть куда актер странность, то незначительную. Едва ли заслуживающую внимание — особенно на фоне самого факта мгновенного перемещения куда-то далеко от родных мест.

Щебетали птицы. Где-то с неотступным упорством колотил в дерево дятел. Сухие ветки хрустели под ногами. Временами на пути попадались кусты и буераки, но на серьезные препятствия не тянули. Первые Илья предпочитал обходить, через вторые — перепрыгивать.

Пока ноги шли, мозг бездействовал. И зачем-то выдернул из памяти бородатый анекдот — диалог медведя и мужика, заблудившегося в лесу. «Мужик, ты чего орешь? — А вдруг кто-нибудь услышит — Ну я услышал. И что, тебе от этого легче?»

К счастью, ни медведя, ни какого другого представителя лесной фауны Илье не встретилось. А через пару часов он уже замечал в рядах деревьев изрядные просветы. И, наконец, еще через полчаса к немалой радости своей... выбрался на дорогу.

Выглядела та весьма убого — даже по провинциальным меркам. Не шоссе, не асфальтированная просека и даже не бетонка. Просто две колеи в земле, а по бокам лес, да еще заросли травы высотой чуть ли не в человеческий рост. Если бы на такой дороге встретились два автомобиля, хотя бы легковых, их водителям потребовался бы максимум сноровки, чтобы разъехаться, не столкнувшись и не задев одна другую.

И все-таки дорога есть дорога. Идти по ней было несоизмеримо приятнее, чем по лесу. Хотя бы потому, что леса существуют сами по себе, а дороги просто обязаны хоть куда-то, да привести. К какому-нибудь населенному пункту. К людям.

Приободренный, Илья зашагал вдоль одной из колеи, насвистывая какой-то мотивчик — вроде бы из фильма «Убить Билла», только на более мажорно-попсовый лад.

«Говорят, если свистеть, денег не будет, — зачем-то молвил он, ненадолго остановившись и обращаясь не то к несуществующей аудитории, не то к самому себе, — ну да у меня их и так нет».

Еще раз Криницкий остановился, когда вздумал полезть в карман за мобильным телефоном, чтобы по наличию сети и уровню сигнала оценить, насколько далеко он от цивилизации. Но, пошарив в кармане и нащупав в нем пустоту, с досадой припомнил, что мобильник у него был заблаговременно изъят Кирпичом.

«А, можешь подавиться, — подумал, будто мысленно обращаясь к неразговорчивому качку, Илья, — чай, не айфон. Такому в салоне тыщи полторы деревянных красная цена...»

Потом прошел еще час... и до Криницкого донесся стук: все усиливающийся и слишком ритмичный, чтобы принадлежать к звукам природы. «Поезд? Железная дорога?!» — с осторожной надеждой подумал путник.

Стук приближался... причем из-за спины. Обернувшись, Илья увидел то, чего если и ожидал встретить наяву, то в последнюю очередь. Вдогонку ему по соседней колее скакали три лошади. Вернее, три всадника. А когда все трое настигли одинокого пешехода, поравнялись с ним и вырвались вперед, преграждая путь, Криницкий смог рассмотреть их получше. И удивиться еще даже больше, чем вначале.

Пластинчатые доспехи, темно-красные плащи за спиной, шлемы без забрал — простенькие, компактные, оставляющие открытыми лица. И короткие мечи у поясов. В левой руке каждый из всадников держал по прямоугольному металлическому щиту, украшенному, по всей видимости, условным изображением солнца: золоченым кругом с рваными краями. Иначе говоря, весь внешний облик всадников отдавал каким-то средневековым... а то и античностью.

«Ба! Да я этот телепорт недооценил, однако! — пронеслось в голове Ильи, а сердце заколотилось от смеси восхищения и какого-то священного, благоговейного страха, — а он-то, оказывается, не только в пространстве перемещает, но и во времени!»

Что ж, по крайней мере, происхождение золотой цепи и связь оной с пресловутым пятном данное обстоятельство неплохо объясняло. Наверняка ушлый торговец, забравшись в древность, выкупил украшение у какого-нибудь ювелира за безделушку. Бусы стеклянные, например. Или мягкую игрушку с говорящим динамиком — из тех, что еще пользуются спросом на День Святого Валентина. Или гаджет какой, красивый, но дешевый, ерундовый. Так, чтобы, вернувшись в наши дни, получить навар, процентов, примерно, с тысячу...

За этими рассуждениями последовала другая мысль — тревожная, даже пугающая. «Тогда каким местом этот бизд-несмен хренов думал! Ведь может цепь эта предназначалась какому-нибудь древнему царю, королю. А если из-за этого алчного чудака на букву «м» украшение царю-королю не достанется?.. Страшно представить, как тогда может измениться политическая обстановка. И весь ход истории...»

Хватило тревоги на считанные секунды. Пока ее не изгнала сакраментальная фраза от Занозы: «Не парься». Ибо искажение хода истории, если оно и случилось, лично на Илье Криницком отразиться не могло. Ведь, по сути-то, выходило, что он уже родился, вырос и жил в мире, на прошлое которого когда-то давным-давно повлиял тот злополучный торгаш своей гениальной сделкой. И какую вариацию прошлого тогда считать искаженной, а какую эталонной — уже был тот еще вопрос. Как ни крути, а все относительно.

— Сто-о-ой кто идет! — гаркнул, отвлекая Илью от размышлений, один из всадников — тот, который стоял к нему ближе всех, — имперский патруль. Кто таков будешь?

Говорил всадник вроде бы по-русски. Впрочем, нет: поглядев в его лицо и попробовав читать по губам, Криницкий понял, что движения рта соответствуют совсем другим словам — не тем, что сам он слышал. А значит, пройдя через тот трижды неладный портал, Илья, помимо прочего, смог выучить... нет, освоить местное наречие. Воспринимая его теперь, как родной язык.

«И на том спасибо», — вдохнув, мысленно поблагодарил Криницкий неведомых создателей портала-пятна.

А вслух, обращаясь к всадникам патруля, решил прибегнуть к профессиональному своему умению. Попытавшись выдать себя... ну, хотя бы за деревенщину-простолюдина.

— Так мы эта... люди ма-а-аленькие, — елеиным голосом протянул Криницкий, склоняясь перед всадниками чуть ли не до земли, — вчера с братеем вечером выпили... потом в лес по дрова пошли. Я в канаву свалился... очнулся — нет братея. И уже день. И в лесу я, кажись, заплутал. Ищу вот теперича... как до дому дойти».

— Выпили, говоришь? — с усмешкой переспросил из-за спины переднего всадника один из его сослуживцев, — судя по тому, как сейчас говоришь, так до сих пор и не протрезвел.

— А может, он просто полоумный? — предположил, тоже шутливым тоном другой всадник, — дурачок деревенский...

Но лицо переднего всадника, судя по всему, начальника патруля, осталось серьезным, даже суровым. Шутить он расположен, явно не был, словам Ильи не верил ни на йоту и уж тем более не собирался довольствоваться легкомысленными догадками.

— Жезл Правды мне, — сухим тоном распорядился он, обращаясь к подчиненным, а Илья внутренне сжался. Любая вещица с таким названием, как он думал, не могла быть не чем иным, кроме как орудием пыток.

Он ошибся. Один из всадников протянул своему командиру небольшой предмет, размером и формой более всего похожий на... микрофон. С той лишь разницей, что ручка его была не черной и пластиковой, а позолоченной. И украшенной узорами: каким-то орнаментом. А шарик, венчавший Жезл Правды, к немалому удивлению, Ильи, светился. Тусклым белесым светом, слишком ровным для пламени.

«Лампочка там что ли?» — подумал Криницкий. Как-то не вписывался этот Жезл с его светящимся наконечником в предполагаемое средневековье, не говоря об античности.

— Можешь повторить то, что сейчас рассказал, — не спросил, а, скорее, велел

начальник патруля, наставляя Жезл Правды на Илью. Совсем как корреспондент протягивает микрофон, беря интервью.

— Мы... люди маленькие, — начал было Криницкий, однако большего сказать в присутствии Жезла не смог. Белесый свет, заполнявший шарик-наконечник, неожиданно моргнул раз-другой, после чего окончательно и безнадежно погас.

— Что за... дерьмо козлиное? — медленно, но заметно угрожающим тоном вопрошал начальник патруля.

— Так сдох, похоже, Жезл-то, — отвечал один из всадников виноватым тоном, — потому что, если б этот пьянчуга соврал, Жезл бы красным загорелся...

— Без тебя знаю, — произнес начальник патруля сквозь зубы, точно дворовый пес прорычал, — так значит, сдох... тогда эта крыса арсенальная сегодня сдохнет, помяните мое слово. Покупает барахло всякое у лавочников по дешевке. А разницу себе, в карман. Ну да ничего. Приедем — я этому детенышу козы от пастуха Жезл в зад-то запихаю.

Как понял Илья, гнев свой командир патрульных всадников обрушил на своего квартирмейстера. Или кто там снабжением у них ведает?

— А с этим чего делать? — вопрошал один из патрульных, бесцеремонно тыча рукой в сторону Криницкого.

— Чего-чего, на заставу, конечно, — ворчливым тоном отвечал начальник, — к дознавателю. Пусть у него теперь башка болит. Эй, ты!

Последней фразой он обратился уже лично к Илье.

— Пойдешь с нами, — последовали распоряжения, — хватайся за мое стремя.

Застава оказалась под стать задержавшим Илью всадникам. Массивная каменная башня высотой примерно с пятиэтажный дом и формой напоминающая фигуру «ладья» в шахматах. А вокруг башни — каменное кольцо стены вдвое меньшей высотой, ограничивающее пятачок двора.

На гордое звание крепости и, тем более, замка такая постройка вряд ли тянула. На ум Криницкому пришло слово «крепостца», звучавшее несколько старомодно и чуток пренебрежительно.

Долго любоваться заставой, не было времени, рассмотреть ее во всех подробностях — возможности. Потому что, во-первых, день для обитателей укрепленной башни выдался неудачным: она оказалась в самой настоящей осаде. Холм, который она занимала, полукольцом обступили вооруженные люди, в основном пешие. Собралась их целая толпа: не меньше сотни. Пришли вояки что-то выкрикивали, потрясали мечами и копьями... однако решительных действий не предпринимали, в атаку не торопились. Ибо имелись еще в сложившемся для них и для защитников заставы раскладе и «во-вторых», и «в-третьих».

Прежде всего, башню с ограждающей стеной чуть ли не до верхушки окружала какая-то дымка, делающая очертания всей постройки немного размытыми. Как картинка на старом, еще аналоговом, телевизоре при слабом сигнале. Для банальной дымовой завесы этот странный полог был недостаточно плотным, а еще... неподвижным. Но главное, дым, даже густой, не мог задержать летящий сквозь него твердый предмет, а дымка та могла. Илья видел, как один из осаждавших, как видно, намаявшись в нетерпении, выпустил в направлении башни стрелу. И та, преодолев расстояние между луком и дымкой, сначала замерла в воздухе, а затем камнем упала на землю.

«Убиться башкой об стену! — подумал вконец потрясенный Криницкий, вновь вспоминая свой опыт знакомства с фантастикой и вынимая из памяти подходящий по случаю термин, — силовое поле, что ли они используют?! Да куда ж я попал в таком случае?»

Наличие защитного поля вокруг заставы вписывалось в изначальную версию — о переносе в древние времена — еще меньше, чем давешний светящийся Жезл Правды. Конечно, реальное прошлое, особенно далекое, и представления об оном современников Ильи могли и различаться. Причем существенно. И в том числе в части технических достижений, каковы жители двадцать первого века, не исключено, что недооценивали. Тот же Криницкий как-то раз наткнулся на не признанную официальной наукой гипотезу, согласно которой ледниковый период на деле был ядерной зимой. А ветхозаветные города Содом и Гоморра были уничтожены, опять-таки, ядерными взрывами.

Впрочем, с тем же успехом Илью могло занести, наоборот, в отдаленное будущее. В коем человечество по какой-то причине регрессировало до мечей и стрел, но продолжало использовать чудом сохранившееся высокотехнологические устройства. «А может, это вообще другая планета, — еще подумалось Криницкому, — пошедшая по какому-то иному пути?..»

Но вернемся к заставе и тем, кто ее осаждал. Помимо силового поля до поры нападавшую сторону сдерживала еще и баллиста — исполинский арбалет, располагавшийся на плоской крыше башни и заряженный копьем. До крыши защитная дымка не дотягивала...

как не могли ее достать, по всей видимости, стрелы противника. Зато у баллисты, похоже, проблем с дальностью стрельбы не было. Двое защитников поворачивали ее, целя то в одну группу осаждавших, то в другую, словно говоря: «Не суйтесь! Не делайте резких движений! Иначе кого-то из вас пронзит насквозь — пикнуть не успеете».

Участники осады понимали это невербальное предупреждение и вели себя осторожно. Зато с появлением трех патрульных всадников в компании с Ильей Криницким... четырех людей, защитным полем не прикрытых, увидели возможность выместить злость и досаду. И минуты не прошло, как Илью и сопровождавших его всадников заметили. А затем в их сторону устремились пятеро. Причем верховых.

Криницкий успел рассмотреть их поближе: все как на подбор рослые, одетые в тканые штаны, меховые безрукавки с металлическими заклепками и примитивные, без забрал, рогатые шлемы. Как у викингов... только лично Илья сомневался, чтобы легендарные северные воители были сильны в верховой езде. Ведь все больше моря бороздили. Да и местность у них в Скандинавии неподходящая, чтобы гарцевать. Горы, простору мало.

Сходство с викингами, впрочем, усиливали густые бороды и космы, выбивавшиеся из-под шлемов. А вот полосы боевой раскраски на лице навевали ассоциацию, скорее, с индейцами.

Командир имперского патруля встретил ближайшего из вражеских конников мечом в руке. Противник его, впрочем, тоже был наготове. Два клинка со звоном столкнулись...

— Чего застыл?! К воротам беги, недоумок! — заорал другой патрульный всадник, пинком сообщая ускорение так не вовремя задумавшемуся Криницкому, — не то варвары тебя...

Что именно могли сотворить с ним варвары — зарубить, утыкать стрелами или, скажем, попользовать в извращенной форме — Илья так и недослушал. Но что было сил, ринулся к единственным воротам заставы. Испытывать судьбу, по понятным причинам, он не желал.

— Вы там! Защиту уберите! — орал за его спиной кто-то из патрульных, — уברי защиту, чароплет хренов! И ворота... ворота открывайте.

За миг до того, как силовое поле все-таки убрали, Илья врезался в него, на бегу споткнувшись на вершине холма. Однако ж, к радости и облегчению незадачливого беглеца, его при этом не поджарило и даже не ударило током. Криницкий словно вжался лицом в мягкий матрац... и даже испугаться толком не успел, когда защитная дымка исчезла, буквально растаяв в воздухе.

Следом раздвинулись деревянные створки ворот, пропуская Илью и всадников патруля — все трое уцелели и быстро нагнали своего пленника. Конные варвары устремились было вдогонку, но им навстречу полетело не менее десятка стрел.

Воины в рогатых шлемах валились из седел один за другим. Однако и пешие их товарищи в долгу не остались. Еще больше стрел посыпалось на защитников заставы, и трое из последних пали замертво. Причем если двое сверзились со стены, то третьего оперенная смерть настигла даже во дворе. Едва он на пару с сослуживцем успел закрыть ворота.

Еще одна стрела прошла в паре сантиметров от лица начальника патруля, только что спешившегося.

— Чароплет! Где чароплет?! — взревел тот, в гневе пиная стрелу, воткнувшуюся в землю.

В поле зрения растеряно озиравшегося Криницкого попал единственный, наверное, кроме него, человек на заставе, не похожий на воина. Щуплый, коротко стриженный, седой,

но с еще не старым лицом и высоким лбом интеллектуала. Одет он был в темно-синий не то халат, не то рясу, подпоясанную веревкой. А взгляд имел испуганно-недоуменный, как у ребенка, встретившего на улице большую и злую собаку.

— Ты! Баран, козлом трахнутый! — рявкнул на этого человека один из находившихся во дворе воинов, — ставь обратно свою защиту, пока нас не перестреляли!

— Не... не м-могу, — пролепетал обладатель рясы-халата, — дело в том... я ведь ее и не убирал... она как-то... сама. И восстановить не могу... что-то мне мешает!

Последнюю фразу он выкрикнул звенящим от отчаяния голосом. Прозвучавшим почти по-детски.

А потом не прошло, наверное, даже минуты — и на заставу обрушился новый дождь стрел. Их оказалось даже больше, чем в прошлый раз. И незадачливому «чароплету» (волшебнику, как сообразил Илья) не повезло теперь уже окончательно. Бедолага рухнул на землю со стрелой, угодившей прямиком в глаз.

Еще несколько защитников заставы нашли свою смерть.

— Эй! Пленник? — услышал Криницкий из-за спины чей-то окрик, обращенный явно к нему, — в башню дуй. Кто-нибудь, проведите его... в камере запирайте. Ах ты, козий выкормок...

Адресовалось произнесенное напоследок ругательство, скорее всего, не пленнику. Но варвару-лучнику, стрелой чуть не поразившему этого местного вояку. Тот едва успел прикрыться щитом — действуя сугубо на инстинктах.

В следующее мгновение сверху раздался громкий щелчок: это баллиста, наконец, сподобилась выстрелу. Что для защитников заставы могло означать лишь одно — варвары устремились на штурм. В ушах зазвенело от команд, эхом отдающихся от каменных стен двора-колодца. Группе лучников на стене было велено хоть сколько-нибудь задержать нападавших. В то время как остальным защитникам только и оставалось, что отступить в башню.

Наверное, думал Илья, атаковавшие заставу супостаты в рогатых шлемах имели при себе наготове таран, с помощью которого и избавились от ворот. А может, они воспользовались осадными лестницами. Как бы то ни было, а продержалась застава недолго — пару часов от силы, даже с учетом обороны башни.

Подробностей штурма Криницкий не застал, отсидевшись в подвале. В камере с устланным соломой полом. И в компании с худосочным человеческим существом неопределенного пола — грязным, косматым и облаченным лишь в рваное рубище. Существо сидело, вжавшись в уголок и обхватив колени руками. Да лишь посматривало на нового соседа затравленным взглядом.

Зато когда окончательно стих звон мечей и крики — то яростные, то полные боли и страданий — сокамерник Ильи оживился. И, подойдя к решетке, заменявшей для камеры одну из стен вместе с дверью, принялся колотить в нее руками и ногами, вопя при этом что было мочи: «Эй! Мы здесь! Помогите! Сюда! Мы безоружны!»

— Да не ори... варвары припрутся, — проворчал Криницкий... сам, впрочем, не будучи уверенным, что лучше или хуже: попасть в руки к варварам или умереть от голода, запертым в подвале и забытым.

А вот соседу по камере, судя по всему, уверенности было не занимать. Он или она знал, что делает. И явно выбирал меньшее зло. То есть, делал тот самый выбор, к которому и Илье-то с недавних пор было не привыкать.

— Мы бе-зо-руж-ны! — прокричало существо в рубище, когда один из варваров соблаговолил-таки заглянуть в подвал. А когда решетка, заменяющая стену камеры, уже оказалась в поле зрения варвара, сосед Криницкого даже выставил перед собой раскрытыми обе ладони. Почему-то нарочито упирая именно на факт отсутствия у него оружия как на решающее обстоятельство.

И... случилось, хоть маленькое, но чудо. Не первое, впрочем, за этот безумный день. Не будучи тупым дикарем, участник недавнего штурма заставы сначала с удовлетворенным видом кивнул, затем осмотрелся и приметил неподалеку от себя гвоздь, вбитый в одну из каменных стен. На стене висел массивный железный ключ. Сняв его, варвар подошел к решетке и с лязгом да ржавым скрипом отпер замок, запиравший небольшую, опять-таки решетчатую, дверь.

Но едва Илья и его невольный сосед оказались у открытого проема, как варвар секундным движением достал из ножен меч и выставил перед собой, острием к пленникам.

— Выходите по одному, — велел он голосом, в котором не слышалось ни тени дружелюбия, — к лестнице... видите, куда? Дернетесь — зарублю. Попробуете побежать... гы-гы, далеко не убежите.

На последней фразе варвар хищно ухмыльнулся.

Как Криницкий понял из его слов, хоть суровый диковатый воитель и вызволил пленников заставы из заточения, но отпускать их на все четыре стороны не собирался. Проще говоря, пленники оставались пленниками, только что перешли в другие руки.

Следовало ли из этого, что задумка товарища Ильи по несчастью себя не оправдала? Сам Криницкий, немного подумав, решил, что все-таки нет. Скорее, в этом и заключался нехитрый план замордованного существа, почти утратившего человеческий облик.

Сохранить жизнь — даром, что в качестве пленного.

Тем не менее, варварам тоже следовало отдать должное: сдавшихся безоружных людей они убивать не стали и, как видно, даже и не планировали. Притом, что из защитников заставы не пощадили никого. Проходя через башню и двор, Илья успел приметить немало облаченных в доспехи трупов — обезглавленных, порубленных или утыканных стрелами. И ни одного живого.

Некоторые из трупов, как опять-таки не укрылось от глаз Криницкого, успели расстаться с амуницией стараниями деловитых воинов победившей стороны. Последние, ничуть не морально не терзаясь, примеряли на себя кто предметы одежды и доспехи, кто оружие. Спорили, кто-то даже посмеивался над товарищем, коему, к примеру, чужой доспех оказывался великоват.

Лично Илье при этом вспомнился сюжет из одного ток-шоу, которое любила смотреть его бывшая жена. Там у ветерана Великой Отечественной был юный, креативно мыслящий внук, решивший по-особому отметить очередной День Победы. Особость в данном случае заключалась в том, что в праздник внук стянул из шкафа дедов китель с медалями, примерил его, попозировал для фотографии в какую-то социальную сеть да пустил по рукам в компании друзей — с той же целью. А ближе к ночи, снова нарядившись в этот китель, креативный внучек сумел еще соблазнить свою подружку. А после того, как та отдалась ему, запечатлел и ее в кителе с медалями... и больше ни в чем.

В оценке той истории участники шоу, как водится, во мнениях разделились. Одни называли поступок юнца и поведение его друзей кощунственным. Другие, скрепя сердце, но готовы были признать: уж лучше такое проявление гордости отечеством и героическим прошлым, чем полное историческое беспамятство.

...Во дворе разгромленной заставы Илью и существо в рубище заковали в цепи. После чего несколько поредевшее воинство варваров двинулось в путь, пленников, разумеется, прихватив с собой.

«Всего два невольника, — ворчал предводитель набега, — зато трофеев... железок завались».

С запоздалым удивлением Криницкий заметил, что говорят варвары на том же языке, что и их павшие противники с заставы. То есть, одно из двух: либо портал обучил Илью не одному, а всем местным наречиям, либо язык действительно здесь один на всех. В этом... по всей видимости, другом, новом мире.

Путь из разгромленной, разграбленной, заваленной трупами заставы прошел для Криницкого как в тумане. И успел изрядно вымотать не шибко молодого и непривычного к длительным пешим переходам актера-горожанина, поскольку идти пришлось до самого захода солнца. И возобновить путешествие, едва ночь сменилась робким сероватым рассветом.

На ночном привале вымотанный Илья провалился в глубокий сон, принесший кратковременное забытие... но, увы, без желанного отдохновения. Напротив, полежав несколько часов на земле да в неудобной позе, пленник чувствовал себя так, будто, того гляди, развалится на части. Вдобавок, нестерпимо зудели запястья рук, закованные в кандалы.

Зато бывшему сокамернику Криницкого, похоже, все было нипочем. Вернее, сокамернице. Что это женщина... или девушка, Илья догадался, заметив несколько раз, как та присаживалась по нужде в подвернувшихся у дороги кустиках.

Хорошо еще, что варвары не пожалели на пленников ни воды, ни лепешек из какой-то грубой муки, начавших уже черстветь. Понимали, видимо, что уморить «живые трофеи» голодом и жаждой было бы еще менее разумно, чем прикончить их сразу, еще на заставе.

До поселения варваров добрались лишь ближе к вечеру следующего дня. Окружали поселение ров с водой и частокол... а по другую их сторону обнаружился чуть ли не целый город. Многочисленные постройки, даром, что грубо выстроенные, дым сотен очагов, нестройный хор множества человеческих голосов, стук молотов и топоров, лай собак и блеяние овец — вот с чем столкнулся враз обалдевший Илья, едва перейдя ров по подъемному мосту, служившему одновременно воротами. Кажется, все пять чувств его оказались пленены новыми впечатлениями.

Поселили Криницкого и его соседку по камере в невольничьем бараке — бревенчатом сарае, с окошками до того маленькими, что удрать через них смог бы разве что воробей. В крайнем случае, не самая крупная кошка. Как видно, предназначались эти окна лишь для того, чтобы обеспечить пленникам приток свежего воздуха.

Кроме двух новоприбывших, проживали в бараке еще семь человек — пять мужчин и две женщины. При виде новых соседей Илья внутренне напрягся, ожидая, что придется ему столкнуться со всеми прелестями сосуществования целой толпы посторонних и едва ли счастливых людей в замкнутом пространстве. И особенно в состоянии несвободы и, соответственно, при неотвязном чувстве унижения, за которое, если верить психологам, униженный, уязвленный человек стремится хоть на ком-нибудь, да отыграться.

При таком раскладе соседей, а особенно новичков наверняка ждали и драки — например, за еду или спальное место, и домогательства, и разные вероломства, вплоть даже до подлого и преждевременного умерщвления. Во сне, например.

К счастью, опасения эти не подтвердились. Еды невольникам давали вдосталь, койкомест в виде соломенных куч или грубо сколоченных топчанов имелось с избытком. Очевидно, барак был рассчитан на куда большее число жильцов. Длительное же пребывание в плену других местных обитателей, прибывших раньше Ильи и его случайной спутницы, привело не столько к их озверению, сколько, напротив, к покорности и какой-то инертности даже. «Овощи», — очень быстро пришел в голову Криницкого подходящий эпитет.

Имелся среди них бойкий веселый лысенький мужичок, утверждавший даже, что лучшей доли он бы себе ни за что не пожелал. Говорил, что всю жизнь расшибался в лепешку, гоняясь то за куском пожирнее, то за жилищем попросторнее, то за бабой покрасивее. Гонялся, суетился. Теперь же, будучи избавленным от забот о хлебе насущном, может и о высоком поразмышлять, о вечном. Насколько соответствовало такое заявление действительности, лично Илья судить не брался. Но и никаких впечатляющих философских откровений сам он из бесед с этим счастливым невольником для себя почему-то не вынес.

Кого-то, наверное, варвары приучали к послушанию, выбивая из них строптивость плетью или палкой. Но вот Криницкого не били ни разу. Как и встреченную им в подвале заставы девчонку — последнюю, кстати, звали Кира.

И уж, разумеется, никого не держали в бараке по двадцать четыре часа в сутки. Напротив, в пределах поселения невольники пользовались почти полной свободой передвижения. Во-первых, сбегать за частокол и ров они не могли. А, во-вторых, варвары были достаточно практичны, чтобы понимать: пленники должны свое содержание окупить — так или иначе. Не то зачем их вообще оставлять в живых?

Насколько понял Илья, основным занятием варваров-мужчин были военные походы.

Работы же мирные, включая заботы о хозяйстве, ложились на детей, женщин... и невольников. Причем на последних — в меньшей степени, ввиду их малочисленности.

И потому все, что требовалось от подневольных работяг — не отлынивать и не шататься по поселению без дела.

Побывав в качестве работника в нескольких домах варваров, Криницкий понял, что удобством они, если и превосходят невольничий барак, то незначительно. Пол в этих жилищах был земляной, комната — единственная, с очагом в центре, а над очагом имелось отверстие в крыше, чтобы выходил дым. Прямо в домах были устроены загоны для скота, так что и запах стоял соответствующий.

Поначалу, кстати, Илье и поручили было ухаживать за скотиной в паре с еще одним невольником, более опытным. Однако понадобилось всего три дня, чтобы и напарнику, и самим варварам стало ясно, насколько выросший в городе новичок не приспособлен к таким делам. Ни подоить корову или козу не мог, ни овцу остричь, ни курицу зарезать. Поэтому следующую неделю Криницкий провел за самой простой, хотя и наименее приятной работой — уборкой навоза. А затем его перевели в одну из местных кузниц.

Работа кузнеца вызвала у Ильи удивление — во всяком случае, поначалу. Состояла она в том, чтобы перековывать добытое в набегах оружие и переделывать захваченные доспехи. От Криницкого же требовалось заходить за железными трофеями, предназначенными для перековки. Чаще всего на общинный склад, иногда по домам к тем варварам, которые отдыхали от недавнего похода и предпочли держать предметы амуниции убитых врагов при себе.

Излишне говорить, что и результаты труда кузнеца кто-то должен был отнести на склад или домой к новому владельцу. Причем был этим «кем-то» не сам работник молота и наковальни.

«Вещи мертвые, — снизошел как-то до объяснения невольнику цели своей работы кузнец, — и оружие... оно служило нашим врагам, тогда как должно быть самым верным союзником воина. А какой союзник из бывшего врага? И какой воин доверится вражескому мечу или кинжалу? Я вот таких безумцев не знаю».

С точки зрения Криницкого от таких доводов за версту несло дичайшим суеверием. Однако спорить, вслух высказывая свое мнение, он, разумеется, не стал. И не только потому, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а невольнику вообще-то спорить не по чину. Просто, во-первых, если подумать, даже иное суеверие могло иметь под собой рациональную основу. В данном случае варвары, скорее всего, просто не желали походить на воинов противной стороны,нося их оружие и доспехи. И вот к такому предубеждению Ильи относился с пониманием. На его родине ведь тоже находилось мало желающих щеголять, например, в эсэсовской форме. Среди здравомыслящих людей, по крайней мере. И то, что форма эта не была лишена элегантности, значения не имело.

Во-вторых, с кузнецом у Криницкого установились почти приятельские отношения. Во всяком случае, тот не презирал невольника, работавшего у него мальчиком на побегушках, и не прочь был поговорить с ним. Даже на посторонние, не связанные с работой, темы.

Из разговоров этих Ильи понял, почему Кира, призывая варваров на помощь себе и заодно ему, особенно напирала на отсутствие у нее и у соседа по темнице оружия. Оказывается, она знала: в отношении чужаков у варваров существует всего один закон. Того, кто вооружен, полагается убивать, безоружного же — брать в плен. Дабы заставить работать на себя... ну или ради выкупа. Если, конечно, было, кому этот выкуп заплатить.

Причем щадили безоружных людей не из человеколюбия или иных соображений морального порядка. Скорее, наоборот. В варварском обществе, где хозяевами жизни считались воины, неумение владеть оружием воспринималось как нечто, присущее низшим существам — будь то женщины, дети или домашний скот. А также невольники. Проще говоря, те, чья жизнь и смерть находились в руках воинов. И если с воином другому воину надлежало сражаться хотя бы для того, чтобы доказать свое превосходство, как главное достоинство, свою правоту, то существам низшим, беззащитным и зависимым доказывать чего-то в принципе нужды не было. Их, существа эти, разумнее использовать по назначению да себе на благо. Не говоря уж о том, что даже самые молодые из варваров понимали разницу между понятиями «схватка» и «убийство».

Беседовать с кузнецом Илье было, в общем-то, интересно... только вот услышанное самооценку невольника, мягко говоря, не поднимало. Не будучи лишен гордости и амбиций, теперь уже бывший актер не горел желанием провести всю жизнь за уборкой навоза или перетаскиванием железок в кузницу и обратно. Как и ощущать себя некой неполноценной сущностью наподобие калеки или евнуха, на которую смотрят свысока даже дети. Последнее, кстати, и немудрено, ибо иной мальчишка сегодня пасет овец, а завтра берет меч и идет в набег вместе с отцом или старшим братом. А вот невольник, не способный толком меч держать, ни на что подобное надеяться не мог.

А Криницкому за всю жизнь доводилось фехтовать разве что, отрабатывая роль в спектакле. Детские игры во дворе в «войнушку» не в счет. Да и махать легоньким бутафорским мечом или шпагой на сцене и сражаться по-настоящему — далеко не одно и то же.

И, увы, когда в очередном обмене репликами с кузнецом Илья осторожно признался в своем желании научиться владеть оружием, собеседнику порадовать его оказалось нечем. Иметь при себе оружие невольникам не полагалось. Вплоть даже до иголки, наверное. А изменить свой статус невольника в варварском поселении можно было всего двумя способами. И ни один из них Криницкому не подходил.

Во-первых, невольника мог выкупить из плена родной клан. При наличии такового, разумеется. Ну а во-вторых, невольник, желающий войти в высшую касту, имел право бросить вызов кому-то из воинов. И мог хоть сам стать воином, хоть уйти на все четыре стороны... но только если побеждал в поединке. В поселении даже ристалище имелось — для этой цели и не только.

«Да как же я победить-то смогу без оружия?» — не скрывая досады, вопрошал Илья. И вновь ответ кузнеца не принес ему радости и облегчения.

Да, сражаться можно было и без оружия — на кулаках, например. В частности, именно такой способ выяснить отношения предпочитали местные парни. И вообще, убивать своих в селении допускалось разве что в крайних случаях. В ответ на оскорбление, настолько тяжелое, что смыть его можно было лишь кровью, и никак иначе.

Вот только что с того было для Криницкого? Во-первых, своим для жителей этого поселения считаться он не мог. И потому имел неплохие шансы погибнуть в схватке. Причем противник наверняка будет считать, что оказал презренному невольнику честь, дав возможность умереть воином и мужчиной. Ну а во-вторых, как убедился Илья, пару раз посетив ристалище, даже без оружия бились там довольно жестко — до крови. Наверняка не обходилось и без сломанных костей. Так что несчастному невольнику впору было вспоминать дурацкую шутку: «А я знаю каратэ, айкидо, тхэквондо и еще много других

страшных слов». И... смириться.

Смирения Криницкого хватило еще на несколько дней. Несколько дней размеренной жизни, наполненных походами то в кузницу, то на склад. А по вечерам, по возвращении в барак — неторопливыми разговорами с другими невольниками. Из них Илья, помимо прочего, смог узнать побольше о мире, в котором оказался.

Выяснилось, что большую часть обитаемой суши занимала Империя Света. Это ей служили всадники с Жезлом Правды, первыми встреченные Криницким. И Жезл был не с лампочкой и не на батарейках, как можно было подумать. Он работал на магической силе, как и защитное поле над заставой, ибо в Империи существовало целое сословие профессиональных волшебников.

Маги-целители лечили любые болезни. Маги-ремесленники создавали разные полезные вещи, вроде Жезла Правды или самоходных повозок. А еще имелись боевые маги, иные из которых могли уничтожать вражеских воинов толпами — лишь мановением руки. Хотя в реальных схватках служили, скорее, подспорьем обычным воякам, не стремясь полностью их заменить.

Зародившись где-то на юге, Империя постоянно расширялась, поглощая все новые земли. И хотя, по слухам, во владениях своих имперцы возводили необычайной красоты города, где жили в сытости и даже в роскоши, в этих краях им не очень-то были рады. Ибо, присоединив очередную деревню или городок, делиться сытостью и роскошью посланцы Империи не спешили. Но первым делом ставили над местным населением своих наместников, устанавливали новые законы, а многие обычаи, не говоря уж о привычных культах и верованиях, объявляли под запретом. Ну и еще обкладывали жителей присоединенной территории данью. Что тоже как-то не способствовало ее процветанию.

Так прошли эти несколько дней, похожие один на другой: работа, болтовня с соседями по бараку, затем сон и снова работа. Ну а потом... грянул гром. В прямом и переносном смысле.

Случилось все на рассвете. Может, и не в четыре утра, как известное событие из родного мира Ильи Криницкого. Но факт оставался фактом: почти всех жителей варварского поселения внезапная атака застала спящими. По крайней мере, начало атаки. Разве что дозорные бодрствовали... ну или, может, еще собаки. Чей сон обычно чуток, а разбудить их способен даже не шум, а любое неосторожное движение поблизости.

Сам Илья в момент нападения, разумеется, лежал на жестком топчане, погруженный в глубокий сон без сновидений — сон усталого человека. А когда всегдашнюю тишину раннего утра разорвал грохот, казавшийся на ее фоне совсем уж громоподобным, сперва открыл глаза, а уж потом более или менее смог прийти в сознание.

Голова болела — и от грохота этого неожиданного, и от прерванного, оказавшегося явно недостаточным, сна. Поспособствовал и душный воздух барака, как последствие вчерашней жары.

Мозг включался в работу медленно, с неохотой. И первой мыслью, рожденной им после пробуждения, стала: «Что за хрень? Почему поспать не дают? Кто... что это?..»

Грохот повторился. И ветерок, просочившийся в одно из оконце барака, донес запах гари. Со смешанным чувством страха и любопытства Криницкий встал с топчана и подобрался к окошку, в то время как вокруг так же просыпались и приходили в себя другие невольники.

Не прошло и минуты, как один из близстоящих домов содрогнулся под сильным ударом. Раз, второй, третий. Соломенная крыша его обрушилась, за ней последовал черед одной из стен. А затем то, что всего миг назад было цельной жилой постройкой, вспыхнуло, точно гора дров для гигантского костра.

Много увидеть в маленькое барачное окошко, разумеется, было невозможно. Однако грохот, что звучал теперь со стойкой периодичностью, да запах дыма говорили сами за себя. Вскоре к шуму взрывов, сотрясавших поселение, присоединились и другие звуки. В первую очередь людские крики — исполненные то страха и боли, то ярости, то горечи.

«Имперцы пожаловали, — недолго раздумывал над происходящим Криницкий, — больше-то кому? С них станет... сумели силовое поле над заставой подвесить, сумеют и до огнестрельного оружия додуматься, до артиллерии. Или хотя бы до магического аналога».

Удивительное дело! Находясь под обстрелом, в бараке, который каждое мгновение мог превратиться в могилу... нет, даже в крематорий, Илья умудрялся мало-мальски сохранить спокойствие. Думать, отвлеченно рассуждать, словно происходящее его не касалось. Словно он просто играл роль в каком-то спектакле, где все персонажи, по сюжету даже погибшие, все равно должны выйти на сцену и раскланяться перед зрительным залом незадолго до того, как опустится занавес.

Профессиональная привычка? Или это называется «деформация»?

А вот соседи Криницкого по бараку подобным самообладанием похвастаться не могли. Кто-то вжался в угол или распластался на полу, накрыв голову руками, словно это могло его защитить. Кто-то плакал... одна из баб. А сидевший рядом невольник-мужчина бранился, сисясь ее перекричать. Кто-то молился...

«Эй! Помогите! Кто-нибудь! Выпустите нас! Не оставляйте нас здесь!» — а это подавала голос бедняжка Кира. Она поступила разумнее остальных, подойдя к единственной двери и

принявшись в отчаянии колотить в нее маленькими кулачками да кричать, едва не срывая голос.

Хотя насколько такое ее поведение способствовало безопасности — вопрос был спорный. Очередной взрыв, обрушившийся на поселение, случился совсем близко от барака. Аж стены качнулись. А дверь и подавно трянуло так, что сорвало с петель. И, как можно было ожидать, напоследок взрывная волна швырнула Киру, эту щуплую девицу, на пол. Добро, хоть упала она на одну из соломенных куч.

Сквозь открывшийся проем заглянул свет нарождавшегося дня. Путь на свободу по неожиданному стечению обстоятельств оказался открыт. Однако, охваченный внезапным порывом, подстегнутый адреналином, подумал Илья Криницкий не о побеге.

— Я хочу сражаться! Дайте мне оружие! — крикнул он, выскакивая на улицу и догоняя одного из варваров, бежавших мимо, — я хочу...

— Невольник? — бросил тот с нескрываемым презрением, едва обернувшись на зов Ильи, — а беги-ка лучше в погреб, невольник. Спрячься там с детками и бабами... много от тебя проку... особенно против виман.

— Виман? — переспросил растерянный Криницкий, — каких виман?..

Но варвар не удостоил его ответом. Разве что небрежно взмахнул рукой, указывая вверх, да побежал дальше.

Грохотнул новый взрыв. А затем недоуменно замерший посреди улицы Илья заметил, что на него наползает обширная тень. Бывший актер инстинктивно приподнял голову... и даже присвистнул от удивления. Ибо увиденное превзошло его даже самые смелые ожидания.

Над поселением варваров медленно, даже как-то степенно — точно барин на прогулке — двигались два летательных аппарата. Формой они походили не то на лодки с небольшими надстройками над палубой, не то на гигантские туфли. От последнего сравнения Илья еще невольно почувствовал себя тараканом, которого того и гляди растопчет человеческая нога.

Похоже, это и были «виманы», о которых сообщил варвар.

Вокруг каждой из виман висело, неотступно двигаясь одним с ней путем, кольцо из светящихся шаров. Предназначались эти шары отнюдь не для освещения, тем более что темноты-то уже не было. Но, время от времени, то один, то другой из шаров срывался вниз, обрушиваясь на какую-нибудь постройку. Причем запас этих, явно магией сотворенных, снарядов не переводился — спустя несколько мгновений летающее кольцо пополнялось новым шаром, взамен использованного.

Илья настолько засмотрелся на эти чудесные боевые машины иного мира, настолько заворожили они незадачливого пришельца, что он забыл. И об опасности забыл, что представляли собой виманы. И о том, что оказался, единственным, наверное, человеком в поселении, кто стоит, не двигаясь, да еще на видном месте. А значит, служит почти идеальной мишенью.

Когда очередной светящийся шар, покинув кольцо, устремился не абы куда, а напрямик на Криницкого, тот успел лишь попятиться. И, оступившись да хлопнувшись на землю, рефлекторно закрыл руками лицо, зажмурил глаза.

На мгновение и руки, и лицо, и волосы Ильи опалило жаром. А затем, так же резко, жар исчез. Открыв глаза, Криницкий успел заметить, как смертоносный шар рассыпался крохотными искорками в каком-то сантиметре от него. И бесследно растаял в воздухе.

«И... это все?» — с недоумением вопрошал про себя Илья, не до конца веря, что остался

жив.

А поверить в то, что он увидел следом, было еще сложнее. На глазах Криницкого один за другим погасли и прочие светящиеся шары — те, что еще окружали атаковавшую его виману.

— Что? Съели?! — вскричал Илья, в порыве какого-то нездорового воодушевления вскакивая с земли, — а знай наших! Не хрен было связываться!

Похоже, насчет последнего экипаж незадачливой виманы вынужден был согласиться. Все так же неспешно, словно бы нехотя, обезоруженная летающая лодка двинулась прочь.

— Вот, правильно! — крикнул ей вслед торжествующий Криницкий, — вали-вали! И чтоб духу твоего здесь не было.

Слов показалось мало. И, подхватив с земли какой-то камень, Илья запустил его, целя в днище виманы.

Он попал — летело это творение магических мастеров Империи на высоте, самое большее, третьего этажа. Иной малолетний хулиган из родного мира Криницкого мог разбить окно, расположенное и повыше.

Нет, разбить что-либо Илья в данном случае, и не надеялся. Как не ждал от своего символического жеста, куражом порожденного, хоть сколько-нибудь серьезных последствий.

Не ждал... но ошибся. И в следующее мгновение в состоянии обалделости взирал на виману. Как та сначала завалилась на бок, а затем отвесно ухнула вниз, напоследок развалив своей тяжестью один из домов. Взрыва не последовало — по всей видимости, оттого, что на борту не имелось никаких горючих веществ.

«А говорили, проку нет, — подумал Криницкий, мысленно обращаясь ко всем здешними варварам скопом, — а вон ведь как получилось! И от кого, выходит, проку нет?»

Увы, переживая свою победу, и особенно ее вопиющую легкость, Илья забыл про вторую виману. Та же отступить не намеревалась. И не теряла надежды разделаться со странным человечком — явным источником внезапных трудностей. Досадных трудностей! А то, понимаешь, карательную операцию затеяли, надеялись просто пострелять по беззащитным мишеням и уже к завтраку домой вернуться. На потери те, кто виманы послал, кто управлял ими, явно не рассчитывали. Что не могло не вызвать ярости. А где ярость, там недалеко и до необдуманных поступков.

Поступком подобного рода со стороны второй виманы стало выпустить по Криницкому сразу три светящихся шара — один за другим. Вроде как, чем больше попыток, тем выше шансы на успех. На деле же один из шаров врезался в землю в шаге от Ильи. Второй, от небрежности, видимо, пролетел мимо и заставил вновь полыхнуть груды обугленных развалин, оставшихся от ближайшего дома. Шар номер три, впрочем, оказался пущен метко. Он попал прямиком в спину Криницкому, тот аж вскрикнул, но больше от неожиданности.

Рубашка бывшего актера, и без того почти превращенная в лохмотья грязной работой, отсутствием стирки и смены, мгновенно вспыхнула... но столь же быстро огонь и погас. Как следом погасли, теперь уже предсказуемо, и шары-снаряды вокруг виманы.

Но и тогда экипаж летающей лодки не решился на отступление. Вместо этого вимана приземлилась — прямо на улице, посреди варварского поселения. И взору Криницкого предстал стоявший на палубе молодой еще человек, в таком же, похожем на рясу, темно-синем одеянии, как и «чароплет» с заставы.

— Не знаю, как ты это делаешь, — злобно прошипел он, — но теперь твое везение

кончилось. Грязный дикарь!

С этими словами человек в темно-синей рясе вскинул правую руку. Прямо из его раскрытой ладони вырвалась молния и, по-змеиному извиваясь в воздухе, потянулась к Илье.

Тот на миг опешил... но опасаться оказалось нечего. Молния исчезла, едва коснувшись его, как до этого исчезли светящиеся шары-снаряды. И только чуть ущипнула напоследок свою цель.

Вытаращив глаза, точно загнанный на дерево кот, ошарашенный маг замер и зачем-то уставился на свои руки.

— Ну и что теперь ты собираешься делать? — хмыкнул Криницкий, направляясь к вимане, а по пути прихватывая единственный подвернувшийся предмет, что был способен сойти за оружие. Обломок не то бревна, не то бруса.

Этот-то обломок Ильи со всей силы обрушил на голову имперскому магу, отправляя того в нокаут. После чего крикнул — так, чтобы привлечь внимание местных жителей:

— Эй, народ! Все сюда! У меня здесь живой маг... в плену!

Как потом еще выяснилось, помимо виман в утреннем нападении принимал участие и ударный отряд имперской конницы. Свой черед он выжидал на лугу в окрестностях поселения. Рассчитывая, что магические обстрелы и порожденные ими пожары вынудят варваров не только покинуть свои дома, но и вообще выйти из-под защиты рва с частоколом. И тогда бы, на равнине, конники могли вытоптать их всех, без труда.

Однако был ли план имперцев таков или предполагал нечто другое, но осуществиться ему оказалось не дано. Несмотря на ранний час, видимость в окрестностях поселения была уже неплохой. Более чем достаточной, чтобы brave кавалеристы смогли заметить крушение одной из двух виман, а также вынужденную посадку второй — впоследствии в воздух так и не поднявшейся. Подождав немного, как рассказали дозорные, отряд развернулся и, стуча сотнями конских копыт, убрался восвояси.

Не иначе, сильно их впечатлило происшествие с виманами. Точнее, неудача оных — ну абсолютно никем не предусмотренная. Как выразился один деятель из родного мира Ильи Криницкого: «Никогда такого не было, и вот опять». Ибо, по словам хотя бы кузнеца, местного приятеля Ильи, летающие лодки и раньше время от времени беспокоили это поселение. Но вот отпор получили впервые. Прежде против боевой магии имперцев варвары были бессильны. Разве что спрятаться могли.

А вот ведь как получилось!

К слову сказать, магов в плену оказалось не один, а целых два. Экипаж боевой имперской виманы состоял из двух человек: «навигатора» и «боевика». Первый управлял летающей лодкой, а второй творил с ее борта боевые заклинания — те же молнии пуская или светящиеся шары.

Так или иначе, но прожили оба «чароплета», угодив к варварам, недолго. Хоть, вроде, и не было у них при себе оружия, но если вдуматься, то оружием в данном случае каждый маг был сам по себе... во-первых. А во-вторых, всякого волшебника варвары считали уже не вполне человеком и даже не животным. Но опасной тварью, противной самому мирозданию. И потому даже просто убить их, как это сделали бы с вражескими воинами, жители поселения сочли недостаточным. Какое там! Магов порубили на куски и даже не скормили собакам — боялись, наверное, что те отравятся. Но сожгли уже бездыханные, окровавленные останки. А пепел и кости отволокли подальше. Кажется, в лес.

Восстанавливали разрушенные дома и другие постройки, что называется, всем миром. Невольники или свободные, мужчины или женщины — значения не имело. Даже детям находилось дело, если были те, конечно, не слишком маленькими.

А близлежащий лес послужил неплохим источником строительных материалов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда же все поселение было отстроено, а погибшие от разрушительной волшбы преданы погребальному костру — одному на всех — в жизнь одного, прежде незаметного, невольника пришли неожиданные перемены.

Речь, разумеется, шла об Илье Криницком. В поселении, наверное, только ленивый или слепоглухой не знал, что к отражению атаки летающих лодок «мальчик на побегушках» при кузнице, как минимум, причастен. Хотя, насколько самому Илье жить оттого стало лучше, а, тем паче, веселей, ответить однозначно он бы вряд ли смог.

Началось с того, что в почти не пострадавший от нападения невольничий барак пожаловал сам Вольгрон Сотня Шрамов — вождь варварского клана. И объявил своим громоподобным, достойным оперной сцены, басом, что от работ при кузнице... как, впрочем, по уходу за скотом или еще где-либо, Криницкий освобождается. Главной обязанностью одного невольника становилось теперь научиться обращаться с оружием. А для этого каждый день посещать ристалище. И, разумеется, получал Илья и наставника. Если таковым можно назвать юнца, чуть ли не вдвое младше самого бывшего актера.

Юнца звали Малран. «Самый молодой из нас, — представил его Вольгрон, — и уж сумеешь однажды победить хоть его... чем скорее, тем лучше. Если же даже Малран окажется тебе не по зубам, значит, моя надежда родилась мертвой, и я ошибся».

Что и говорить, новость эта Криницкого ошарашила. Он, конечно, ждал, что его заслуги в обороне поселения хоть как-нибудь, но отметят, не оставят без внимания. Однако на такой поворот событий, по правде говоря, не рассчитывал. А тут... ощущения были, как будто Илья долго добивался внимания неприступной с виду красотки, а она вдруг сама подошла к нему, и, без лишних церемоний ухватив за пуговицу, спросила, сугубо риторически: «Ну, так что? В ЗАГС меня поведешь? А кольцо, кстати, где?»

Взволнованный столь неожиданным исполнением своего желания, Криницкий провалялся без сна всю ночь. Из-за чего на ристалище утром едва притащился — сонная муха, ни дать ни взять. И, как того следовало ожидать, получил от Малрана хорошую трепку. Молодому варвару понадобилось меньше минуты, чтобы повергнуть неуклюжего невольника на утоптаный песок. Илья даже заблокировать ни одного из ударов боевитого юнца не сумел, что уж говорить о собственных атаках.

Бились, конечно, без настоящего оружия — на деревянных мечях. Однако и удары этих деревяшек, только с виду походивших на игрушки дворовых сорванцов, оказались болезненными. Через день-другой Криницкий мог бы обзавестись новым хобби: подсчитыванием ссадин и синяков на собственном теле.

А самым неприятным дополнением к боли физической было, как водится, чувство унижения. Илья ведь не просто отвлекся на обманное движение и прозевал подножку, не просто рухнул на землю... но сделал это под радостно-беззаботный смех и неуклюжие хлопки нескольких зрителей. Детишек, стоявших подле загородки. Один из них напомнил Криницкому его наставника. Точнее, уменьшенную копию одного — младший брат, по всей видимости.

«Отдыхай пока, — с той смесью насмешливости и легкомысленной небрежности, что доступны лишь молодости, подвел черту под уроком Малран, — увидимся здесь же... э-э-э, ну, после обеда».

Итак, пресловутая «красотка» при более близком знакомстве оказалась не такой и желанной. Более того, стервою она обернулась, ненасытной не столько в страсти, сколько в трате денег новоиспеченного супруга на косметику и модные шмотки. Еще, как слишком поздно узнал несчастный — теперь уж и впрямь несчастный — влюбленный, в комплекте с красоткой ему достался еще и ребенок от предыдущего брака, а также целый сонм родственников разной степени склочности и привязчивости. Да и сама возлюбленная при ближайшем рассмотрении, без нарядов и косметики, уже не тянула на девушку с обложки глянцевого журнала. И лицо не то, и возраст вышел, да и тело заждалось походов в тренажерный зал.

Впору взвыть, не так ли? Пожалуй, только это и оставалось Криницкому. В любом

случае он понимал, что обратной дороги нет. Кабы хотел и дальше таскать туда-сюда железки, да трепаться с кузнецом — поступил бы во время налета виман, как и подобает невольнику. Спрятался бы куда-нибудь, забился в уголок, дрожал. А не лез бы в схватку, во всю глотку не орал, требуя выдать оружие...

Кроме того, Илье очень не хотелось разочаровывать вождя. Мало ли как мог отреагировать Сотня Шрамов. Что если обмануться в лучших ожиданиях для него — тяжелейшее из оскорблений. И тогда Криницкого ждала встреча на ристалище уже не с сопляком Малраном, а с матерым воином. И бой не на деревянных мечях, а настоящими клинками. До смерти.

При таком раскладе Илье снова только и оставалось, что выбрать меньшее из зол. А в данном случае — продолжать обучение с Малраном.

Вздремнув пару часиков в бараке, после погуляв на свежем... относительно свежем воздухе улиц поселения, Криницкий пообедал, а затем, ничуть не торопясь, вернулся на ристалище. Силы мало-мальски восстановились, а в голову, тоже отдохнувшую, пришла свежая идея: прибегнуть к военной хитрости.

В новом поединке Илья и прибег — попытавшись пинком по земле поднять навстречу противнику тучу песка. Увы, тучка оказалась хиленькая. Малрана она не ослепила, рассердила разве что. Самодовольная улыбочка, украшавшая его лицо в течение всего первого урока и в начале второго, точно испарилась. Вместе с хладнокровием, как подумал Криницкий. И не упустил случая этим воспользоваться.

Деревянный клинок прошел в паре миллиметров от груди молодого наставника — лишь в последнее мгновение он, подрастерявший концентрацию, успел уклониться, уйти от удара. Да и ответный удар Малрана оказался слишком порывист... и недостаточно хорош, чтобы не быть заблокированным мечом даже столь неопытного бойца, как Илья Криницкий.

Но уже в следующее мгновение пинок в живот заставил Илью согнуться пополам — очень уж близко он оказался от наставника-соперника. Затем Малран, уже не видя необходимости защищаться, с разворота ударил Криницкого деревянным мечом по корпусу. Заставив, завалившись на бок, закончить этот поединок там же, где и предыдущий. На песке ристалища.

«Что ж... уже лучше, — хмыкнул Малран, протягивая Илье руку и помогая подняться, — уже кое-что... а не баран на бойне, не дите беспомощное. Подло, конечно, немножко... для поединков чести не годится. Ну да ведь бой... настоящий, есть бой, там всякое бывает. Ты, главное, помни: не ты один можешь к подлостям-то прибегнуть».

А Криницкий на это лишь судорожно вздыхал. Да еще молча кивал, точно китайский болванчик, на каждое слово, с выражением покорности и признания чужой правоты. Зато не без удовольствия заметил, что улыбочка Малрана, начавшая Илью бесить в первый из уроков, так до сих пор на молодое лицо с жиденькой белобрысой бородкой не возвратилась. Не спешила она возвращаться и в последующие их поединки. Так что обстоятельство это Криницкий мог засчитать себе как, хоть маленькую, но победу.

Учебные схватки Ильи и Малрана следовали одна за другой — по две на дню, иногда по три. Однако ветер перемен, подувший в жизни бывшего актера, принес не только эти уроки. И не только один Криницкий почувствовал его свежее веяние.

В поселение, возглавляемое Вольгроном, зачастили гости: варвары из других кланов. Да еще целыми толпами. Вождь принимал их в Длинном Доме — своем жилище и самом большом, хоть не по высоте, а лишь по площади, здании по эту сторону частокола.

Вечерами всякий проходящий мимо Длинного Дома мог услышать доносящийся изнутри нестройный хор что-то возбужденно выкрикивающих или невнятно бормочущих голосов, прерываемых раскатами грубого хохота; почувствовать запах пива, льющегося рекой, и жарящегося на вертелах мяса.

Однако цель, с которой прибывали к Сотне Шрамов все новые и новые гости, вечерними пьяными посиделками далеко не исчерпывалась. Днем соплеменники Вольгрона могли куда чаще обычного встретить своего вождя, прогуливающегося по улицам. Компанию ему еще составлял предводитель другого клана, гостивший в те дни в поселении. Всякий раз оба вождя что-то обсуждали вполголоса... ну и еще хотя бы раз забредали на ристалище. Понаблюдать за уроками, которые давал Илье Криницкому молодой Малран.

Стоя у загородки, Вольгрон обыкновенно указывал на Илью рукой, словно бы говоря: «А вот и тот герой, что спас нас от виманы с имперскими магами». На что вождь-гость недоверчиво кривил бородатую физиономию: «Кто — он? Этот пентюх? Эта неуклюжая развалина? Не верю. Да он даже моего сына годовалого не победит, не то, что магов».

Наверное, если что и убеждало гостей в невероятном подвиге Криницкого, то только сама вимана, совершившая вынужденную посадку. Ее так и не решились разрубить и хотя бы пустить на дрова. Предпочтя, перетасив, водрузить на крышу Длинного Дома.

Что до самого Ильи, то внимание варварских бонз, что греха таить, его самолюбию льстило. Не один десяток километров, наверное, люди из других кланов проходили и проскакали — для чего? Неужели только посмотреть на человека, повергнувшего непобедимые летающие лодки имперцев?

Криницкий даже успел подумать, что стал для варваров кем-то вроде мессии или воплощенного божества. Поселение же это, приютившее его, превратилось-де в место паломничества. В этакый священный город. А то, что мессию новоиспеченного учат драться, да еще помимо его воли, тоже казалось Илье вполне объяснимым. Уж если в обществе варваров главной добродетелью считается умение владеть оружием, то и кумир этого общества обязан быть под стать ему. Обладая не только умением творить чудеса, но и будучи способен делать то, что близко и понятно каждому. Быть своим парнем, проще говоря.

Сколь бы ни успела разрастись со всеми нюансами эта иллюзия в душе Криницкого, но прожила она недолго. Скончавшись ровно в то мгновение, когда до уха Ильи, потевшего на ристалище, ветер донес обрывок разговора Вольгрона с одним из вождей-гостей подле загородки.

«...а вот Хранитель что говорит... показывал его Хранителю?» — был вопрос гостя, и под ним, надо сказать, даже грозный Сотня Шрамов как-то стушевался. Как студент, которого предвзятый преподаватель вознамерился завалить на экзамене. Или не слишком уверенный в себе молодой человек во время собеседования при приеме на работу.

Отвлекаясь на Вольгрона и его собеседника, Криницкий, разумеется, пропустил удар и получил сильный тычок деревянным мечом в грудь — Малран-то не дремал и своего не упустил. Незадачливый ученик зашатался, но на ногах устоял. И в следующий миг сумел-таки заблокировать и отразить новую атаку наставника.

Еще раз, мельком взглянув в сторону двух вождей у загородки, Илья заметил, как Вольгрон кивает в ответ собеседнику, очевидно, в чем-то с ним соглашаясь. А вот что именно говорил гость, расслышать Криницкий уже не смог.

Закончился поединок вничью — Илья остался стоять на ногах, впервые избежавший унижительного падения.

«Сегодня ты был неплох, — не поскупился на похвалу Малран, хотя голос его звучал сухо, а лицо сделалось бесстрастным, — нет, будь мечи настоящими, я бы, конечно, тебя на клинок-то нанизал. В живых не оставил бы, это точно. Но пока сойдет».

Потом было возвращение в барак, и ночь — последняя, наверное, спокойная ночь в жизни Криницкого. Или последняя ночь в его спокойной и относительно легкой жизни.

А наутро в обитель невольников снова пожаловал Вольгрон Сотня Шрамов. И прямо с порога скомандовал, обращаясь лично к Илье: «Собирайся, к Хранителю едем. Ты хоть в седле-то держаться умеешь?». И не дожидаясь ответа, считая его очевидным, сам же на сей счет и посетовал: «Ну что ты за бестолочь неуклюжая? Как вообще дожил-то до таких лет?..»

Что ответить на это, Криницкий не знал, да и толку в ответе не видел. Варвары же не придумали ничего лучше, кроме как задействовать для его перевозки скрипучую деревянную телегу — из тех, на которых возили дрова из леса или сено. В телегу запрягли лошадь, управлять которой поручили еще одному невольнику, прихваченному в дорогу. Тогда как Вольгрон и с ним еще несколько воинов поехали верхом. Включая, как можно было ожидать, и молодого Малрана.

Присутствие последнего, присоединившегося, кстати, к отряду сопровождения последним — перед самым отбытием — Илью весьма обескуражило. Он-то надеялся во время поездки отдохнуть, пейзажами полюбоваться, подышать свежим воздухом. Расслабиться и получить удовольствие, одним словом. И чтоб никаких, успевших осточертеть, тренировок.

Реальность, как водится, не имела с этими надеждами ничего общего.

Во-первых, Илье хватило всего часа, чтобы понять: ехать в телеге жестко и совершенно не комфортно. По крайней мере, сидя... а когда Криницкий попытался прилечь, стало еще хуже. Мало того, что телега оказалась коротковата — не мог он вытянуться вдоль нее во весь рост. Не мог даже если бы ехал один, без невольника, взятого в поездку в качестве возчика. Так вдобавок, по неосторожности Илья умудрился разом засадить целых три занозы. И вытаскивать их оказалось не самым приятным занятием.

Во-вторых, еще через пару часов Криницкий почувствовал, как без движения затекли его ноги. Отчего, а также после заноз и прочих неудобств, не в радость сделались и свежий воздух, и окружающие, проплывающие мимо луга-леса, казавшиеся теперь воплощенной банальностью. Картинками, однообразными до скуки смертной.

При таком раскладе Илье уже не хотелось отлынивать от уроков Малрана. Скорее, он ждал их... и дождался. Когда, наконец, объявили привал, и молодой наставник подошел к Криницкому с фразой: «Разомнемся, ученик?», тот воспринял это предложение едва ли не с облегчением.

Поездка продолжалась около недели. И все это время ни один из привалов не обходился

без учебных поединков Ильи и Малрана. Возможно, Криницкий делал в них успехи, прогрессировал, как говорили в его родном мире. Во всяком случае, пару раз он изловчился и сумел задеть деревянным мечом то бок, то ногу наставника. Хотя бы вскользь. Однако хвалить ученика тот не стал. Да и поводы нашлись бы не только для похвалы. Время от времени могло показаться, что Илья не движется вперед в умении сражаться, а совсем наоборот. Во всяком случае, некоторые из поединков вновь заканчивались почти как первые уроки с Малраном. Но только почти. Ибо, хоть и падал Криницкий в траву, но времени, чтобы добиться такого результата, его наставнику требовалось уже гораздо больше.

Илья не знал, кто такой Хранитель, а объяснить ни Вольгрон, ни кто-то еще из варваров так и не удосужился. Потому Криницкий думал, что его везут в какое-то другое варварское поселение — показывать победителя имперских виман местным жителям как некую диковинку. Однако никакого поселения, вообще никакого населенного пункта с множеством домов в конце пути не оказалось. Дом был единственным, он стоял на невысоком холме... и отличался от ставших уже привычными варварских халуп примерно как чистопородная служебная овчарка от бездомной дворняги. Или дорогой внедорожник от старого «жигуля» Ильи.

Дом был добротный, каменный, с фундаментом, крыльцом в несколько ступенек и аж двумя этажами. Крышу покрывала черепица, над которой чуть возвышался кирпичный столб трубы. То есть, отапливались здесь явно не очагом и дым выпускали отнюдь не через дырку в крыше. Только что стекол в окнах вроде не было и горшочков с цветами. Илья, во всяком случае, ни того, ни другого не видел, поскольку все окна были наглухо закрыты ставнями. И это в ясный погожий денек!

«У-у-у! Похоже, хозяева не в себе», — промелькнуло в голове Криницкого. Хотя общего хорошего впечатления от дома мысль эта не испортила.

Спешившись, Вольгрон Сотня Шрамов поднялся на крыльцо и пару раз стукнул кулаком в широкую дубовую дверь. Потом еще раза три.

— Опять... — донесся изнутри приглушенный голос. Приглушенный, но явно недовольный.

— Хранитель? Можно войти? — вопрошал Вольгрон непривычно смиренным для себя тоном.

— Нельзя... сам выйду... сейчас, — снова послышалось в ответ. Затем дверь приоткрылась, и на пороге показался сам хозяин этого симпатичного жилища.

Обликом своим... по крайней мере, на взгляд Криницкого, он напоминал типичного волшебника. Напоминал, как ни странно, даже больше, чем имперские «чароплеты». Высокий старик с почти добела поседевшей шевелюрой, ниже незаметно переходившей в густую, столь же седую бороду. Одет он был в белый балахон, а опирался на большую узловатую палку — посох. И при этом держался прямо, не горбился. Словно груз прожитых лет совершенно на него не давил.

«Ну, прямо... как его там... Гэндальф!» — подумал Илья. Экранизации «Хоббита» и «Властелина колец» он, разумеется, смотрел. Причем относился к ним, по крайней мере, немного лучше, чем хотя бы к «Звездным войнам». Не из-за персонажей, правда. Их-то Криницкий по обыкновению своему считал одноклеточными — немногим менее примитивными, чем джедаи. Но вот красоты сказочного мира, перенесенные на экран, даже такого завистника подкупали.

— Хранитель... — робко, вполголоса обратился к старику Сотня Шрамов. Илья ждал,

что могучий вождь поклонится хозяину дома, даже на колени перед ним упадет. Но, похоже, поступать подобным образом среди варваров было не принято.

А Хранитель, похоже, ни гостям рад не был, ни даже не горел желанием выслушивать явившегося к его порогу Вольгрона.

— Ты! От тебя воняет, — бесцеремонно и тоном почти капризным произнес он, брезгливо морщась и напрочь ломая изначальный образ сказочного мудреца, — от вас тут всех воняет. Вы пропахли своими лачугами, своей скотиной, своими женами... грязными. Друг дружкой даже пропахли. Вот и воняете... сами не замечая.

— Хранитель, — вновь, проявляя чудеса терпимости, проговорил, обращаясь к старику вождь, — мы привели одного человека. Он смог победить имперских магов... с их виманами. Обезвредил и обрушил на землю эти летающие лодки, против которых сами мы ничего поделать не могли. Это чудо, ведь так? И вот мы пришли узнать, что делать дальше... нет ли у тебя, Хранитель, какого-нибудь пророчества об этом чудесном человеке? Чего-то, что могло бы указать нам путь... подсказать... подарить надежду.

— Что делать дальше? — переспросил Хранитель, — таким вот как ты и твои спутники — для начала искупаться в речке. А лучше сразу утопиться. Так кто из вас этот сокрушитель виман?

— Я! — почти выкрикнул Криницкий, поднимая руку словно школьник, пожелавший, чтоб его вызвали к доске. Впрочем, и без того сразу трое варваров, включая Малрана, указали руками в его сторону.

— Ты? Тогда проходи в дом, — строго и почти командирским тоном велел Хранитель Илье, — а вы, все остальные, ждите здесь. Не то весь дом мне провоняете.

Солнечный свет почти не проникал в дом сквозь ставни, запиравшие окна. Так что в жилище Хранителя царил полумрак... далекий, впрочем, от полной темноты. Во всяком случае, наощупь передвигаться не приходилось. Не было нужды и в использовании светильников. Как, впрочем, и их самих.

Воздух дома был затхлый: едва переступив порог, Илья еле удержался, чтобы не чихнуть. Пахло не то пылью, не то старой одеждой — ветхой и уже не пригодной для носки, не то старыми же газетами. Хотя откуда в этом отсталом мире газеты?.. Просто запах показался Криницкому похожим.

«Интересно, старик один тут живет? — зачем-то подумал, задаваясь вопросом, Илья, — в таких-то хоромах? Тогда как, интересно, справляется? Ведь даже если он уборкой себя не утруждает, ему все равно должно быть нелегко. Возраст, как ни крути. Наверное, даже воды из колодца себе не натаскает. И откуда еду берет?..»

Словно в ответ на его невысказанный вопрос одна из дверей темного коридора, начинавшегося сразу за порогом, отворилась. Впуская в коридор немного света и тот характерный запах, что бывает лишь на кухнях всех, наверное, времен и миров.

Следом из-за двери высунулся парнишка лет, примерно, двенадцати, одетый в простую домотканую рубашку и такие же штаны. Типичную одежду большинства мальчишек в варварских селениях.

— Все приготовил! — бодро доложил паренек.

— Вот и славно, — в ответ бросил ему на ходу Хранитель, — скоро подойду. А ты мотай в свою деревню... от тебя воняет.

Как видно, благодарность этому старику была абсолютно чужда.

— От тебя, кстати, тоже воняет, — сообщил он затем и Криницкому, даже не оборачиваясь в его сторону, — хотя и меньше. Как будто ты мало прожил среди этих грязных людишек. Совсем мало. Лишь недавно решил с ними сблизиться. Долго, наверное, сдерживал себя... уважаю.

— Да не совсем все так было, — возразил Илья, — вернее, совсем не так.

Однако Хранитель, будто не услышал его ответа.

Вслед за хозяином дома Криницкий поднялся по скрипучей деревянной лестнице, затем оба немного прошли по коридору второго этажа. Наконец, Хранитель толкнул одну из дверей, за которой оказалась просторная комната с высоким потолком.

Просторной комната была не только из-за площади, но и по причине скудности мебелировки. Собственно, и не было иной мебели, кроме одиноко стоящего табурета да открытых шкафов с полками, расставленных вдоль стен. На полках стояли или лежали в основном рулоны бумаги или пергамента... точнее, правильно говорить — свитки. Впрочем, на глаза Ильи попались и несколько книг привычного вида: сшитые стопки листов. Еще Криницкий заметил совсем уж экзотические приспособления для хранения информации. Дощечки и каменные плитки, покрытые хаотическими узорами письмен, мотки бечевки с узелками, причудливых форм вещицы из металла.

Единственным источником света в комнате служили солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Само собой, этого даже Хранителю, вроде бы поклоннику темноты, показалось мало. Однако он не стал ни свечи жечь, ни, тем более, распахивать окна. Но

поступил несколько неожиданно — по крайней мере, для Ильи — сняв с одной из полок небольшой голубоватый кристалл. Старик лишь сжал его легонько пальцами, и кристалл озарился ярким, но холодным светом. Криницкому этот свет еще напомнил сияние полной луны среди ночи.

— Солнечный свет только портит, — сообщил, бормоча себе под нос, Хранитель, словно объясняя гостю свой выбор способа освещения, — а открытого огня я здесь тем более не потерплю. Это ж хватит свечку не там поставить, и все полыхнет. Так что магические кристаллы в моем случае — самое то!

Затем он посмотрел на Илью, вставшего посреди комнаты да принявшегося зачарованно осматриваться, и обратился к нему, недовольно возвысив голос:

— А чего ты застыл-то и замолчал?! Рассказывай, как магам... или кому ты там жару задал. Чем быстрее мы все тут решим, тем лучше. Ты... и вся ваша шайка дикарей свалите отсюда и перестанете вонять. Ну?.. Я слушаю.

И Криницкий, собравшись с духом, рассказал сердитому старику о налете виман на варварское поселение, о перипетиях схватки с ними. Не забыл подчеркнуть и тот момент, что сам победы не ожидал и не рассчитывал на нее. Вроде бы как само получилось.

— Само, значит, получилось, — прокомментировал рассказ Хранитель.

— Вроде того, — поспешил согласиться Илья, — такое впечатление, что заклинания магов на меня просто не действовали. Что-то вроде... иммунитета... если вы знаете это слово.

— Вы? — старик усмехнулся, — кроме меня здесь никого нет. Ну и еще пострелы из ближайшего селения... их присылают мне в помощь: дрова нарубить, поесть привезти-приготовить. А какие слова я знаю, какие не знаю, пусть тебя не волнует. Я не зря зовусь Хранителем. Вот здесь собраны, наверное, все знания обитаемой части мира.

Произнося последнюю фразу, Хранитель еще обвел рукой пространство комнаты вокруг себя.

— Так значит, на тебя магия не действует, — затем продолжил он, — вот и первое предположение... сам выдвинул, заметь. Неужели дар какой-то природный?.. А другие примеры, когда волшба против тебя оказывалась бессильна, ты можешь припомнить?

— Ну да, — с готовностью отвечал Криницкий, — Жезл Правды, с помощью которого меня хотели допросить имперские патрульные. Он просто мигнул и погас. Так больше и не ожил. А еще...

Илья вспомнил, как исчезло защитное поле над имперской заставой, осажденной варварами. Криницкий, да и приведшие его всадники думали, что это местный маг, «чароплет» убрал защиту, дабы впустить их. Но нет. Тот бедняга-волшебник сам сказал, что, во-первых, ничего не убирал. А во-вторых, восстановить магическую защиту не мог. «Что-то мне мешает!» — были его слова.

— Даже так? — чисто риторически вопрошал Хранитель, услышав от своего гостя и об этом случае, — «что-то мешает»... ха, да это ты ему и мешал! Так что тут не иммунитет, скорее. А катастрофическая несовместимость.

— А разница? — не понял Илья.

— Очевидна... для тех, кто понимает, — молвил старик с важностью, чуть ли не напыщенно, — вот возьмем, к примеру, две стихии: Огонь и Землю. У порождений стихии Земли иммунитет... естественная защита от Огня. Поэтому камни и песок не горят... сами не горят, во всяком случае. Но и Огню от тех же камней большого вреда нет. Тушить,

скажем, костер, закидывая его камнями или посыпая песком, может и можно, но способ этот долгий. Не самый действенный. А теперь возьмем другую пару стихий: Огонь и Воду. И вот они между собой несовместимы. Вода от Огня испаряется. Огонь, когда Воды на него проливается достаточно много — гаснет. Улавливаешь?

Криницкий кивнул, а Хранитель продолжил:

— Вот так же и у тебя с магией — не-сов-мес-ти-мость... правда, односторонняя. Не магия опасна для тебя, но ты для любой магии. Так что... просьба: держись подальше хотя бы от кристалла. Их и так у меня мало осталось.

— Не очень-то и хотелось, — буркнул Илья.

— Итак, главное мы выяснили, — подытожил старик, — разобрались в твоей проблеме... хотя проблема ли это именно для тебя — еще вопрос. Ну да ладно, перейдем к проблемам тех, кто тебя сюда привел. Как сам думаешь, чего они вообще ко мне потащились?

— Ну... так я же вроде как чудо совершил, — осторожно проговорил Криницкий, — а чудо они могли воспринять как... знамение свыше, что-то вроде этого. А чтобы знамение это правильно понять... наверняка ведь оно было кем-то когда-то давно предсказано. В каком-то пророчестве, в какой-то легенде. Вот Вольгрон Сотня Шрамов, наверное, и подумал: вдруг вы... ты знаешь это пророчество и сможешь найти.

Трудно и непривычно было ему обращаться на «ты» к человеку гораздо старше себя. Впрочем, Хранитель словно бы не заметил неловкости собеседника.

— Совершенно верно! — воскликнул старик и зачем-то вскинул руку с выставленным указательным пальцем, тыча им в направлении потока, — я же ведь Хра-ни-тель! Если я не знаю, то не знает, наверняка никто. Ну-ка, посмотрим...

С этими словами Хранитель повернулся к шкафам и принялся шарить по полкам глазами, пятном холодного света, исходящего из магического кристалла, и свободной рукой. «Не то, не то, не то, — бормотал он, — и опять не то».

Потерпев неудачу на нижних полках, старик подтащил к одному из шкафов табурет, сиротливо стоявший посреди комнаты. Кряхтя, вскарабкался на него и продолжил свои изыскания.

— Вот оно! — наконец воскликнул Хранитель, снимая с полки пыльный свиток и судорожно разворачивая его. При этом он так изловчился, что и кристалл не выронил, и не сверзился с табурета — последнего, кстати, Криницкий в тот момент сильно опасался.

Однако удача благоволила Хранителю... и здравый смысл на пару с осторожностью тоже. Решив, очевидно, не испытывать судьбу, старик осторожно слез с табурета и уже затем, подсвечивая себе кристаллом, впился глазами в добытый свиток.

— «Пророчество о Разрушителе Магии», — провозгласил Хранитель с выражением торжественности, достойной ведущего на церемонии вручения «Оскара» или иной подобной награды, — итак, что там?.. «Когда магия сделается столь могущественной, что изменит саму жизнь людей, когда власть правителей станет целиком зиждиться на чарах магов — тогда явится в этот мир Разрушитель Магии».

Прodeкламировав эту фразу, старик не преминул ее и прокомментировать:

— Согласен, чем-то похоже на нынешнее положение дел. Эта Империя Света... в ней, наверное, даже чтоб за скотиной дерьмо убирать особые маги имеются. Только не стоит спешить с выводами. У некоторых пророчеств есть такое свойство: их можно, хоть за уши, но притянуть к любой эпохе. Благодаря некоторым туманным фразам. А есть еще фразы

абсурдные, как будто нарочно добавленные, чтобы с толку людей сбивать. Вот, послушай дальше: «И будет Разрушитель как человек, но и чужаком среди людей». Это как? И еще: «Придет он издалека, но пройдет совсем немного».

— Ну, вообще-то, — кашлянув, парировал Илья, — я ведь действительно в этот мир явился. Издалека явился... очень издалека. Наверняка моей страны на здешних картах нет. Но вот на своих-двоих прошел не так уж много.

— Ишь ты, — Хранитель удивленно приподнял бровь, — поясни-ка.

И пришлось Криницкому рассказать о пятне, а может и дыре в воздухе, перенесшей его в этот мир. Старик слушал с тем живым интересом, какой бывает, когда узнаешь что-то любопытное, вроде даже необычное... но в целом укладывающееся в твои представления о мире. А значит, услышанное не кажется откровенным бредом или бездарной выдумкой нечестного человека, желающего произвести впечатление.

— Интересно, интересно, — молвил Хранитель, когда Илья закончил, — одно из немногих явлений, о которых даже мне мало что известно. Их еще «сгустками» часто зовут. Суеверные крестьяне считают «сгустки» не то демонами, не то призраками. И, разумеется, стараются к ним даже не приближаться, не то, что попробовать сквозь них пройти. Страшно потому как.

— Да мне самому страшно было, — признался Криницкий, — так ведь заставили.

— Понимаю, — старик кивнул и продолжил, — но дело в том, что не только деревенщины безграмотные — даже люди умные и образованные не пришли к общему мнению о том, что «сгустки» эти собой представляют. Кто-то говорит: это действительно сгустки... магической энергии, оставшиеся после применения мощных боевых заклинаний. Ведь несколько веков назад в этих краях случилась великая битва между сторонниками Светлых Сил и адептами Тьмы. Вот и намусорили. Хм... по мнению других исследователей то не просто мусор, но нарочно возведенные магические ловушки. Для вражеских воинов... ну или просто для ротозеев. Еще есть предположение, что это суть признаки разрушения самого мироздания. Да-да, вроде пятен ржавчины на железе, ран или язв на теле. Иногда их даже называют так, с налетом поэтичности — Язвы Мира. Они-де с течением времени будут только множиться, а когда покроют все вокруг, мир погибнет. О том, что это порталы, гипотезу выдвинул лишь Тарнил Прозорливый из имперского Магистериума, лет сто назад. Но коллеги его не поддержали.

— Почему же? — удивился Илья.

— Как — почему? — хмыкнул Хранитель, — во-первых, как это подтвердить? Только рискнуть. Полезть в дыру-пятно... и исчезнуть. Что, собственно, Тарнил и сделал, устав от неверия и нападок. Да так и не вернулся. Ну а во-вторых, гипотеза Тарнила не позволяла объяснить появления этих пятен, им самим потому названных «дикими порталами». А кому нужна гипотеза без объяснений? Такая же бессмыслица, по-моему, как кастрированный бык-производитель или пиво, не дающее опьянения. И, кстати, даже Тарнилу воображения не хватило, чтобы представить порталы эти дикие окнами в другие миры. Самое большее, чего он от них ждал — это возможности перемещения в другие уголки нашего мира. Ну да ладно...

Произнеся последнюю фразу, старик вновь вернулся к свитку с пророчеством. Снова впился взглядом в россыпь закорючек местной письменности.

— ...продолжаем, — чуть возвысил он голос, — что у нас там дальше... ага. «Разрушитель придет туда, где царит магия, и принесет с собой кровь и смерть».

— Кровь и смерть, — шепотом повторил Илья и кивнул, вспомнив, чем обернулось его появление на заставе для тамошних вояк. Не выжил никто.

— «Тогда он пойдет туда, где магия пребывает под запретом», — продолжал читать Хранитель и сам же не удержался от комментария, — ну уж тут-то действительно твой случай. Местные жители, кланы... имперцы их еще зовут варварами, в большинстве своем магию и магов на дух не переносят. Еще им не по нраву грамота, любые развлечения, кроме обжорства, пьянства и баб, ну и законы, которые писаны одинаково для всех. Но это уже другая история. Та-а-ак, что еще у нас там. Ага! А что ты скажешь на это? «С Разрушителем придет воплощенная Удача — но не своя».

— Воплощенная Удача, но не своя? — переспросил Криницкий и снова обратился к воспоминаниям о недавних событиях. Посмотрев на них через призму пророческих фраз.

Вспомнилась ему бедняжка Кира, встреченная в темнице заставы. Она могла погибнуть... у них обоих был немалый шанс погибнуть хотя бы без еды и воды. И только потому, что варвары, перебившие защитников заставы, могли просто не догадаться заглянуть в подвал. Вот убрались бы восвояси. И никакие крики не помогли бы.

Однако этого не случилось. Удача? Удача. Только вот будь Кира везуча сама по себе и для себя, вряд ли она бы угодила в темницу. Более того, возможно ее бы и впрямь оставили погибать, не удосужившись вызволить, не появившись поблизости Илья Криницкий. Так что это, скорее, ему, Криницкому так крупно повезло. Удача, приманенная Кирой, в первую очередь спасла его. Киру же — так, за компанию.

Вспомнил Илья и второй случай, наводящий на мысли о странном везении. Во время налета виман не погиб ни один невольник... то есть, ни один из тех людей, которые проживали с Кирой в одном бараке. Сам барак тоже почти не пострадал — магическая атака разве что дверь вышибла. Да и то пришлось, скорее, к добру, чем к худу, позволив обитателям барака оттуда улизнуть и тем повысить шансы на выживание.

Опять удача? Вроде того, если забыть, что самой Кире крепко досталось. Она выжила, однако следующие дня два едва вставала с топчана. Добро, хоть одна из женщин-невольниц взялась ее выхаживать.

— Я, кажется, знаю, кто из моих знакомых приносит удачу другим, но не себе, — заключил, освежив воспоминания, Илья.

— Это хорошо, — молвил Хранитель, — тогда слушай последнюю часть пророчества. «Для людей, чуждых магии, Разрушитель и Удача станут спасением. А когда на один путь с ними встанут еще Колдунья и Вор, тогда все маги мира не смогут противостоять этому союзу. И когда это случится, падет господство магов».

— Стоп-стоп! — проговорил Криницкий со смесью непонимания и недовольства, — подожди... если маги враги — то почему в союзники вдруг записали Колдунью? Опять противоречие? Только я не понимаю...

— Вот сразу видно, что ты не в нашем мире родился, — усмехнулся на это Хранитель, — а у нас прожил всего ничего. Противоречия тут нет. Колдуны и особенно колдуньи на первый взгляд делают то же самое, что и маги, однако действуют и ведут себя совершенно иначе. Порой с точностью до наоборот. Маги используют для своих действий особые законы природы, ища связи там, где их вроде бы нет. Колдуны же законы природы все больше нарушают. Разрушают связи... слышишь, раз-ру-шают! И тем не сильно отличаются от тебя. Далее: магов обучают в особом заведении — Магистерииум называется. А колдуны со своими способностями рождаются и потом постигают их сами. Маги живут

среди людей, колдуны нелюдимы. Ну и, наконец, маги являются адептами Света... во всяком случае, другие до наших дней не дожили. А колдуны прислуживали Тьме. И за это, в конце концов, были изгнаны из этих мест. Да и вообще из всех уголков обитаемой части мира... кроме Загорья. Дотуда маги дотянуться так и не смогли, и с тех пор Загорье здесь именуют Темными Землями.

— История, конечно, интересная, — выслушав старика, Криницкий вздохнул, — но мне-то что со всем этим делать? Ждать, пока какая-нибудь колдунья вылезет из своих Темных Земель?.. И Вор. Где мне искать Вора?

В ответ Хранитель перво-наперво с укоризной на него посмотрел.

— Вообще, давать советы — не мое, — произнес он сухо, — мое дело — хранить знания и время от времени делиться ими. С теми, кому интересно, кто сам того желает. А уж что вы будете с этими знаниями делать, уже ваша забота... не моя уж точно. Но... так уж и быть, кое-что подскажу. Первое: можно ждать, пока Колдунья сама явится из Темных Земель. А можно и самому туда отправиться. Разве нет? И второе: на вопрос «Где искать?» неплохо смогли бы ответить люди, прожившие в этом мире подольше тебя. Вот с ними и посоветуйся.

Кто-то расстается с верой в счастливую звезду в зрелые годы. Кого-то, увы, она покидает еще в юности. А вот Кира еще, кажется, в детстве успела понять, что два понятия — она и удачный жребий — несовместимы в принципе. Как снегопад и летний зной.

Начать с того, что родиться Кире выпало не в землях пока еще вольных варваров и даже не в большом имперском городе — из тех, истории про которые на ее родине принято было слушать как волшебные сказки. Нет и нет: жизнь Киры началась хоть в Империи Света, но в одной из ее так называемых «новых провинций». То есть тех, которые были присоединены при жизни нынешнего поколения подданных. И где еще остались люди, помнившие прежние времена.

Там, где родилась Кира, вышеназванные «прежние времена» закончились за десять с хвостиком лет до ее рождения. Рассказывали, что местный князь, узнав о приближении к своим рубежам имперских легионов да прикинув соотношение сил, вздохнул... и лично вышел навстречу захватчикам с белым флагом в дрожащих руках. Да преклонил колени тотчас же, едва заметив приближение ратей в сверкающих доспехах и с изображением солнца на знаменах.

Рассудил князь, очевидно, просто. Шансов отбиться от Империи у него не было, зато имелась высокая вероятность положить в борьбе за независимость все подвластное население. Да и самому закончить жизнь раньше положенного природой срока — отдельно от собственной головы, например. И напротив, сдавшись, князь рассчитывал, по крайней мере, лично для себя приобрести больше, чем потерять. Не исключая возможности сохранить власть над родовыми владениями, хоть уже и в качестве имперского наместника. Со всеми, подобающими этому статусу, «пряниками».

Расчет оправдался... в некотором смысле. Должность наместника князю перепала. И наслаждался он ею около года. Успел выписать из столицы пару магов, вдоволь накатался на вимане — не боевой, скорее, прогулочной. Разогнал из чертога большую часть прислуги: ленивой, вороватой и дурно пахнущей, заведя вместо нее так называемых «автоматов». Этим мудреным словом у магов именовались оживленные волшбой ходячие металлические статуи, исполнительные и неутомимые. И, что немаловажно, не нуждающиеся в пище.

Апофеозом процветания бывшего князя в его новом качестве стал бассейн, вырытый во дворе чертога и питаемый с помощью магии из подземного источника. Маги же отвечали за поддержание той температуры воды, которую лично князь-наместник называл «приятной теплотой». В бассейне он мог лежать часами, смакуя доставляемые из самой столицы вина. Ну а в итоге не то уснул и захлебнулся, не то отравился очередным бокалом дорогого напитка. Деталими никто, включая дознавателя, не интересовался. А в провинцию вскоре прислали нового наместника.

Что касается простых людей, то в их жизни изменилось мало что. Взять хотя бы родной для Киры городок Герун. Тамошнему голове удалось сохранить свою должность даже после присоединения к Империи, причем сохранить на куда больший срок, чем князю. Оно, впрочем, и понятно: не такая уж и важная это фигура — начальник в городе на пару сотен дворов. Едва ли столичные бонзы его хотя бы замечали, как не всегда замечают паутину в углах или заведшихся в доме тараканов.

Из всех возможных перемен, что могла принести Империя рядовым герунцам, лично

отец Киры успел насчитать всего две. Во-первых, выросли налоги, ведь приходилось не только власти городка содержать да наместника, пришедшего на смену князю. Но и отчислять кое-что в столицу. И уже шли недовольные разговоры за кружкой пива в местной таверне: что и дерут с народа три шкуры, и князь покойный был трусом и предателем, и надо бы поднять бунт... да только все никто никак не решится.

Во-вторых, объявились в провинции стервятники сугубо имперской выделки — ростовщики. Деньги они предлагали и охотно ссужали на все. На любые нужды от ремонта или постройки дома до банальной уплаты податей. Кому-то требовались деньги на новое платье, кому-то на семена. Ну а если жизнь совсем нестерпима и хочется утопить горе на дне кружки... ростовщик и здесь готов был прийти на помощь.

Ходили слухи, что некую деревню, располагавшуюся всего в паре дней пути от Геруна, погубил не кто иной, как ростовщик, причем в паре с кабатчиком. Жители деревни забросили каждодневные опостылевшие работы и по простоте, граничащей с идиотизмом, радовались легкодоступным деньгам. А спускали их, главным образом, в кабаке, напоследок обогатив его владельца.

Когда же пришел черед отдавать долги, выяснилось, что ничего ценного у спившихся крестьян нет... за исключением их жалких домишек. А главное, земли, на которой они стояли, и которая когда-то кормила деревню. Она-то, земляца, и отошла ростовщику, а от него некоему аристократическому дому из самой столицы. Судьба несчастных деревенщин нынешнего главу дома не очень-то волновала. Аристократ решил заняться разведением овец, и земля требовалась ему под пастбища. А лишние людишки с их хижинами, полями и огородами только мешали. Так что не требовалось быть оракулом, чтобы предсказать дальнейшую судьбу деревенских жителей. Ибо законы Империи были полностью на стороне нового хозяина их земли.

Ну да вернемся к Кире и к ее полной противоречий жизни. Сами роды прошли тяжело, обе — и мать, и сама дочурка выжили, как говорила повитуха, просто чудом. У матери открылось кровотечение, сама Кира чуть не задохнулась... но все обошлось. И потом, все те дни, пока роженица отлеживалась на лавке, приходя в себя, отец Киры, баюкая дочь, шепотом ее же бранил. Виня малышку в том, что она-де чуть не сгубила его любимую.

Сама Кира, понятное дело, могла ответить только криками во весь голос. Или сонным хныканьем — когда как.

А еще в тот год пропал без вести сборщик податей, отправленный из столицы. Не факт, что он хотя бы добрался до провинции. Да, сборщика, как водится, сопровождал вооруженный отряд, но на всякую силу рано или поздно найдется другая сила, побольше. А кроме местных разбойников и залетных варваров дознаватели подозревали еще и случившийся в близлежащих горах сход лавины да какую-нибудь тварь, которая могла пробраться в пределы Империи из самих Темных Земель. Вот только ничего конкретного выяснить не удалось.

А жители провинции и рады были вздохнуть свободно... ну, хоть немного посвободнее, чем обычно. Тем более что следующий год выдался неожиданно урожайным, да и цены на выращиваемые в Геруне фрукты и овощи неожиданно поднялись. А следом поднялось благосостояние, в том числе и семьи Киры. Во всяком случае, необходимость снова платить налоги городку, наместнику и императору с его прихлебателями больше не пугала. И лишь одно омрачало налаживающуюся жизнь в одном из герунских домов: Кира, любимая дочка, росла слабой, болезненной и какой-то подозрительно бледной. Местная знахарка на сей счет

только руками разводила. А питомцы легендарного Магистериума не удостаивали такие вот маленькие провинциальные городишки даже кратким визитом.

К тому времени, когда Кире исполнилось семь лет, сама она о своей особенности разве что смутно догадывалась... зато все малолетние герунские шалопаи успели смекнуть: если захотелось и приключений на свою голову найти, и выйти из них целыми-невредимыми, надо взять с собой эту робкую невзрачную девчонку. Сама она, увы и ах, пострадать, конечно, могла, зато те, кто составил ей компанию — едва ли.

Когда один из приятелей Киры вздумал стянуть из булочной несколько мягчайших свежих бубликов, ему удалось благополучно удрать с добычей, а вот самой Кире — нет. Пробежав пару десятков шагов, она споткнулась чуть ли не на ровном месте и распласталась на булыжниках мостовой. И Тьма бы, казалось, с ушибами. Так ведь тогда же ее настиг разъяренный булочник. Чтобы, дав сперва незадачливой беглянке подзатыльника, ухватить ее за розовое ушко да отволочь домой, к родителям. Где Кире перепало уже от них.

Когда трое мальчишек и две девчонки, включая Киру, под покровом ночи удрали из отчих домов и теплых постелей, да забрались в чужой огород — полакомиться сладкой дыней — нетрудно было предсказать, кому из той шайки не удалось незаметно с огорода сего улизнуть. Уходя последней и влезая на забор, Кира поцарапалась в потемках, потом сорвалась и бухнулась на землю. Где (а чего еще ждать от маленькой девочки?) в голос разревелась. Чем очень скоро привлекла внимание хозяев сладких дынь.

Взяли с собой Киру как-то раз и двое охламонов чуть ли не вдвое ее старше. Планы у них были, на собственный взгляд, грандиозные: связать плот да сплавиться по безымянной речке, протекавшей недалеко от городка.

Далеко уплыть юным покорителям вод не удалось — кое-как скрепленный плот на ходу развалился минут, примерно, через пятнадцать после отбытия. К счастью, случилось это недалеко от берега. Точнее, не слишком далеко для умеющих плавать мальчишек. Но не для их сопливой спутницы: она-то подобным умением похвастаться не могла. Вот и пришлось охламонам, успевшим самим на берег выбраться, спохватившись, броситься на выручку своего живого талисмана. А когда спасли, когда вытащили и откачали, когда все трое, наконец, вернулись домой и получили по заслугам — хотя бы один из охламонов наверняка задался досадливым вопросом: «Почему не получилось? Ведь взяли же с собой козявку эту, удачу приносящую?» И невдомек было вопрошающему, что при сплаве том ему с приятелем как раз повезло. В противном случае плот могло унести к ближайшему водопаду, а там за жизни трех пассажиров самодельного суденышка никто бы не дал и ломаного гроша.

Годам к десяти до Киры дошло, что гулять лучше в одиночестве. Во всяком случае, безопаснее. Так она думала, и все чаще на улицах Геруна ее можно было увидеть, бредущей с выражением угрюмым и даже каким-то отстраненным. Надо ли говорить, что натолкнувшись на неприветливое лицо девочки, прежние друзья-приятели, как червь яблоком привыкшие пользоваться ее удачей, вскоре от Киры отвернулись. Перестали подбивать на новые авантюры, даже здороваться теперь забывали.

Когда пройденные на сотни раз пыльные улочки надоели, Кира стала выбираться в окрестности городка. И с каждым разом отходила от него все дальше... пока одна такая прогулка едва не стала для девочки последней.

По всей видимости, где-то недалеко от Геруна проживал то ли заводчик охотничьих собак, то ли богач, охотою баловавшийся. Жил-поживал, да и умер. А может, собак везли да недовезли от заводчика к богатому охотнику-любителю. Как бы то ни было, а потерю хозяев

твари эти пережили — успех, правда, одичать и теперь чувствовали постоянный голод. А потому на все живое и способное передвигаться смотрели, прежде всего, как на еду.

Со временем, если их вовремя не уничтожить, такие собаки становились опаснее даже, чем волки. С серыми лесными хищниками их сближала жизнь стай и сопутствующая тому какая-то мрачная организованность. И в то же время, в отличие от волков, собаки не испытывали страха перед человеком... по крайней мере, одиноким. А также перед огнем. И если волки предпочитали охотиться по ночам, то одичавшим собакам для поиска пропитания годилось любое время суток. И любое место, не только лесная чаща.

Что до Киры, то она, встретившаяся на пути этой стаи, о подобных вещах не задумывалась. Да что там — вообще почти не обращала внимания на внешний мир, погруженная в собственные мысли. Встрепенулась девочка разве что когда услышала нестройный хор злобных лающих и рычащих голосов.

Живя в маленьком городке, чуть ли не в большой деревне, к собакам Кира успела привыкнуть и воспринимала их без страха. Любви, правда, не испытывала тоже. Четвероногие «друзья человека» почитались ею как неизбежная примета жизни в городке, где нет крепостной стены и всего три стражника. А значит, защита имущества и жизней герунцев была во многом заботой их самих. Вот и обеспечивали ее кто как мог. Кто-то вооружался, кто-то возводил вокруг дома забор повыше да покрепче, ну а кто-то заводил себе хвостатого четвероного сторожа. Причем немало было среди горожан и тех, кто старался все перечисленные способы совместить.

Правда, между собаками герунцев и одичавшей стаей имелась разница, заметная даже с беглого взгляда. Городские барбосы все больше рычали и гавкали из-за хозяйских заборов — точно приветствовали, а может, и предупреждали всякого прохожего. Но сами оставались для него невидимыми. А потому опасности по большому счету не представляли. Собаки же одичавшие... их Кира обнаружила, во-первых, слишком близко от себя, а во-вторых, их намерения были слишком очевидны. Оскаленные пасти, из которых капала слюна, острые зубы, глаза, сверкающие голодным блеском, наконец, рык, полный злобы, выдавал их пуще всяких слов. Эти собаки давно уже не нуждались ни в хозяине, ни в ласке, ни в приюте. Они просто увидели добычу: некое заведомо слабое существо. И собирались перекусить им, дабы протянуть на этом свете еще денек-другой.

Было их пять или семь, точно Кира сказать не могла, считала она плохо. Да и не до подсчетов ей было. Крупные, зубастые, покрытые грязной взъерошенной шерстью и тем похожие на сказочных чудовищ, собаки надвигались на девочку. И хуже всего было то, что они успели отрезать ее от Геруна. Дома родного городка, их крыши, соломенные или черепичные, отсюда были видны невооруженным глазом, казались до обидного близкими. Но прежде, чем до них добежать, Кире пришлось бы прорваться сквозь собачью стаю. Этакого отряда вражеских воинов, занявших выгодную позицию.

При раскладе таком девочка не придумала ничего лучше, кроме как броситься в противоположную сторону — к лесу. Бежала она со всех ног, усиленная, ускоренная собственным нестерпимым страхом. Но даже это порой казалось недостаточным. Стая мчалась следом за удиравшей добычей, Кира постоянно чувствовала за спиной горячее дыхание нескольких звериных глоток. Пару раз собаки едва ли не настигали девочку, а одна из них сумела подобраться до того близко, что отхватила зубами клочок от подола ее платья.

Но к счастью для Киры эта ее скороспелая затея — спастись в лесу — в некотором смысле себя оправдала. Резвые на открытой местности, собаки, даже сбившиеся в стаю,

очень скоро поубавили прыти, оказавшись под сенью древ. Понимали, наверное, на каком-то инстинктивном уровне, что лес служит охотничьими угодами для других хищников, покрупнее их и поопаснее. А может, бывшие «друзья человека» почуяли поблизости другую добычу, полегче. Безобидных лесных зверьков вроде зайцев и белок.

Так или иначе, но когда Кира оказалась в лесу, погоня за ней мало-помалу выдохлась. Собаки начали отставать — сперва ненамного, но затем и вовсе скрылись из виду. Однако девочка все бежала и бежала... пока вокруг не оказались лишь деревья, а солнечный день не начал тускнеть.

И вот уже тогда, вконец выбившись из сил, Кира остановилась и в изнеможении осела на траву. А посидев с часок, переведя дух да собравшись с мыслями, пришла к не слишком утешительному заключению: домой она сегодня не попадет. Уж очень утомила ее погоня — во-первых. Ну а во-вторых, что греха таить, страшно было. И вновь наткнуться на ту же стаю на обратном пути девочка опасалась, да и вообще бродить по лесу в потемках приближающейся ночи. День к тому времени перегорел окончательно, надвигались сумерки. О том же, что находиться ночью в лесу, даром, что на одном месте, тоже далеко не безопасно, Кире почему-то в голову не пришло.

Приняв решение переждать ночь в чашобе, следом девочка озаботилась поиском ночлега. Осмотревшись, она заметила невдалеке от себя буерак, а там — прорытую под корнями одного из деревьев не то большую нору, не то берлогу. Темнеющую в земле дыру, в которую Кира могла бы, хоть ползком, но пролезть.

Зверь, прорывший не то нору, не то берлогу, был, по всей видимости, далеко не маленьким. Кире оставалось молиться, чтобы нора-берлога оказалась пустой, чтобы тварь эта ее покинула, причем желательно давно и надолго.

Присев перед норой на корточки, девочка принялась, вдыхая полной грудью. Она знала: у любого живого существа свой запах. А тем паче у следов жизнедеятельности этих существ. И порой эти запахи бывают очень сильными — тот, кто хоть раз бывал в хлеву или хотя бы в курятнике, не даст соврать.

Опасения не подтвердились — из дыры пахло только землей. Так что даже какашки этого зверя, хозяина норы успели разложиться и удобрить почву.

Еще раз вздохнув, теперь уже с облегчением, Кира полезла внутрь. Где с запоздалым удивлением заметила, что нора оказалась гораздо глубже, чем она предполагала. Просто-таки целый туннель, под наклоном ведущий вниз.

Снедаемая так некстати проснувшимся любопытством, девочка поползла по туннелю, оказавшемуся подобием бутылочного горлышка. Он расширялся книзу, пока не привел в настоящую пещеру.

«Вот это да! — подумала Кира с присущей лишь детям смесью восторга и беззаботности, — вот это приключение! Ребятам в Геруне расскажу — подавятся от зависти!»

Пол пещеры был завален чем-то холодным и жестким, вроде камней. Разглядеть, что именно это было, в темноте девочка не могла... да и не очень-то хотелось. Не то, что спать, даже сидеть на таком полу было жестко и неудобно, зато в пещере Кира чувствовала себя в безопасности. Став недосягаемой для лесного зверья, ночами выбирающегося на охоту.

Съежившись на небольшом пятачке, от которого она сама отгребла так называемые «камни», спала девочка чутко и тревожно. То и дело до нее долетали звуки леса — чей-то вой, рев, жалобный визг. Где-то гулко ухала сова, хрустели сухие ветки под чьими-то

тяжелыми лапами.

А когда первые лучики солнца осветили лес и проникли даже в занятую Кирой нору, девочка, наконец, осмотрелась... и даже оторопела, осознавая подлинную цену своего приключения.

Те предметы, что столь опрометчиво она приняла за камни, теперь поблескивали в темноте, превратившейся в полумрак. И оказались россыпью золота — золотых монет, золотых слитков, золотых украшений. Имелась, правда, среди золотых россыпей и толика действительно камней... драгоценных. Не то рубинов, не то изумрудов, точнее Кира по невежеству сказать не могла.

К истории, точнее, предыстории Киры мы еще вернемся. А пока надо снова уделить внимание Илье Криницкому. И пророчеству, в исполнение которого он волею случая ввязался.

После визита к Хранителю Илья держал доклад перед самим Вольгроном Сотней Шрамов. Вождь молча выслушал своего... уже явно не невольника, но и отнюдь не полноправного члена клана. Выслушал, лишь время от времени кивая, а после, как видно, поговорил с Малраном. Криницкий не слышал, точно ли имел место тот разговор, но не мог объяснить иначе кое-какие нововведения, случившиеся в его жизни по возвращении.

Первым делом частота и интенсивность тренировок для Ильи выросла до предела. Учебные схватки теперь занимали все время бывшего актера, за исключением перерывов на еду и сон. Последний, кстати, волею наставника заметно укоротился. Криницкого поднимали с рассветом, и он чуть ли не плакал от зависти, глядя на других обитателей невольничьего барака — остававшихся сладко похрапывать на топчанах и кучках соломы.

Следующим нововведением стало знакомство Ильи с настоящим, железным оружием. Криницкий стал, наверное, первым в истории варварского поселения невольником, который обзавелся личным мечом. Его Малран сам вручил ученику, принеся прямо из кузницы. Дарован меч был Илье, правда, не для того, чтоб на него любоваться или хвалиться сверкающим клинком перед соседями по бараку. Нет, Криницкому надлежало привыкнуть к разящей стали — к ее тяжести, деревянным мечам несвойственной, к способности колоть, рубить и резать. А также научиться держать настоящий меч правильно и использовать его с толком. Ну, хотя бы чтоб не порезаться самому для начала.

Время от времени Илья начал встречать на ристалище Киру. Взамен рубища ей выдали простую, но вполне добротную домотканую одежду. А поверх нее еще и надели самую настоящую кольчугу — правда, явно облегченную, выкованную с особым расчетом на хрупкую девушку.

Вид в кольчуге у Киры сделался, хоть чуточку, но воинственным. По крайней мере, невольница уже не казалась воплощением безобидности сродни зайцу Степашке из популярной детской передачи. Махать мечом, даже деревянным, правда, Киру не заставляли. Зато, как смог заметить Илья, учили метать ножи и стрелять из маленького арбалета крохотными же, похожими на гвозди, стрелками.

Еще, как понял Криницкий, обучение Киры проходило даже тяжелее, чем у него самого. С ножом ли, с арбалетом в руках, но невольница, оказавшаяся носителем чужой удачи, меткостью отнюдь не отличалась. Потому, наверное, что удача ее предназначалась кому-то другому, думал еще Илья. Оставалось надеяться, что в компании хотя бы с ним толку от Киры станет всяко больше, чем вообще нисколько. Должна же удача эта пресловутая улыбнуться ее спутнику.

Так прошел еще месяц... вернее, пролетел в казавшихся бесконечными тренировках. Лето закончилось, дни оказывались все чаще дождливыми, а по ночам заметно холодало. Последнее особенно остро ощущалось в невольничьем бараке, где не было очага. Среди обитателей барака ходили слухи, что на зиму их распределят по домам свободных жителей. Вопрос оставался лишь в том, кто из них согласится приютить у себя невольника — да, лишние рабочие руки, но, во-первых, принадлежащие всей общине, а во-вторых, лишний рот тоже. И наполнять его придется, по всей видимости, все-таки хозяину дома. Да и не так много места имелось в домах варваров, чтобы делить его с еще одним человеком.

И вот в один из дней наступившей осени закончились, наконец, занятия Ильи

Криницкого с Малраном. Закончились, как, собственно, и должна заканчиваться любая учеба — выпускным экзаменом.

В тот день у опоясывающей ристалище загородки собралось немало народу. Даже Вольгрон Сотня Шрамов почтил это событие своим присутствием. Кто-то следил за происходящим на ристалище, затаив дыхание, с предвкушением. Кто-то, напротив, с кем-то перешептывался и пренебрежительно посмеивался. «Точно на спектакль по бесплатному билету пришли!» — с досадой подумал Криницкий о последней разновидности зрителей, имея несчастье познакомиться с нею еще в родном мире. Такие зрители не очень-то интересуются начинающимся представлением, если интересуются вообще. Все для них заранее ясно, предсказуемо и фальшиво. Но кто-то выиграл билетик, кто-то выменял, так не пропадать же добру, особенно халявному. Можно, к примеру, ребенка сводить. А самому отвлечься, решая некие посторонние вопросы.

А вот виновнику торжества было сегодня не до смеха, не до болтовни. И настроение нельзя было назвать праздничным. Потому как никто Илью не собирался в этот день поздравлять и чествовать — по крайней мере, пока. Скорее, наоборот.

Малран и его ученик вышли на ристалище друг против друга и встали лицом к лицу. В руке у каждого уже был меч, причем отнюдь не деревянный. И Криницкому не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: роль клинкам была уготована точно не церемониальная и не декоративная.

Первым заговорил наставник Ильи. Голос его, прежде по-юношески высокий, теперь звучал сурово, твердо и торжественно, а меч, вскинутый острием вверх, поблескивал в лучах солнца, кое-где пробивавшегося сквозь осенние тучи.

— Я, Малран, сын славного Малгора Краснорукого, говорю, стоя на этом священном месте, и за каждое слово отвечаю своей честью воина и мужчины. Много дней потратил я, обучая благородному воинскому делу этот кусок живого мяса. Жалкого невольника, от рождения не пригодного к нему. Не пригодного... и не знающего даже, как держать меч!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Толпа, собравшаяся по другую сторону загородки, дружно загудела в ответ на эти слова — как показалось Криницкому, с сочувствием. Сам бывший актер хранил терпеливое молчание и даже на явно оскорбительные фразы наставника не реагировал.

Тогда как Малран продолжал:

— Много времени я потерял, много пота пролил, много раз впадал в отчаяние, осознавая безнадежность своего дела. Но я не сдавался... ибо сдаться — удел трусов... таких, как этот невольник. Его ничтожность и слабость стали оскорблением для меня... а необходимость учить это никчемное подобие мужчины — нестерпимым унижением.

«Ну, так отстал бы от меня, — хоть мысленно, но съязвил Илья, — давно бы уж бросил это глупое занятие. Глядишь, обоим бы легче стало».

Но вслух, разумеется, промолчал.

— ...и чтобы смыть это унижение и оскорбление, — подводил между тем юный наставник черту под своим выступлением, — я бросаю вызов тебе, невольник. Коль претендуешь ты на право называться воином...

«Да ни на что я такое не претендовал!» — едва не вырвалось на этих словах у Криницкого. Следом, правда, он вспомнил, как сам рвался в бой во время налета виман, как признался в желании стать воином в беседах с кузнецом — и осекся. Будучи вынужден умом и душой все-таки признать правоту витийствующего юнца.

— ...готов ли ты умереть сегодня как воин и мужчина? — прозвучал, наконец, и самый главный на тот момент вопрос. Черту подводящий уже не только под словами Малрана, но и под всеми его с Криницким занятиями.

— Готов, — с неожиданной даже для себя твердостью отвечал Илья и тоже вскинул меч.

«А ведь если проиграю, мне крышка!» — пронеслась в его голове запоздавшая и испуганная мысль.

Впрочем, как пронеслась, так и унеслась — спустя какие-то доли секунды. Потому что клинок Малрана устремился вперед, целя прямо в грудь Криницкому. Отчего последнему враз сделалось не до мыслей.

Меч Ильи метнулся навстречу, оба клинка столкнулись со звоном и лязгом. Затем Малран, крутанувшись на месте и подавшись чуть в сторону, попытался атаковать сбоку. Клинок Криницкого меж тем прошел едва в сантиметре от корпуса противника. А в следующий миг уже сам Илья был вынужден отскочить назад.

— Я говорил, ты трус! — воскликнул с усмешкой Малран, — не годишься в воины! Только пятиться и горазд... все вы... невольники трусы!

Снова зазвенела сталь сшибившихся клинков. Затем наставник Криницкого, сделавшийся сегодня ему врагом, с силой подался вперед. Илью отбросило, от этого толчка он еле удержался на ногах... точнее, не удержался вовсе. Однако уже в следующий миг ловко подскочил, вновь принимая боевую стойку.

— Танцевать любишь? — шепотом осведомился юный наставник-противник, когда их с Криницким мечи скрестились вновь, а лица оказались совсем близко одно от другого, — тогда тебе лучше не к нам. А к какому-нибудь вельможе имперскому в служение. У имперцев много таких вельмож... которым нра-а-вятся мужчины. Гибкие, ловкие мужчины... как они танцуют. Стройные, красивые...

Монолог Малрана оборвался, едва Илья попробовал повторить его давешний толчок. Лукавая улыбка, почти мальчишечья, враз сменилась звериным оскалом. А нога, обутая в сапог из воловьей кожи, рывком двинулась в направлении живота Криницкого. Не успеет тот увернуться, одновременно не упуская меча Малрана, заблокированного собственным клинком, поединок мог на том и закончиться. Причем наверняка бы стал последним событием в жизни Ильи.

— Кажется, я тебя раскусил, — уже не ехидничал, но, скорее, бесновался Малран, — ты задумал измотать меня, да? Ждешь, что я устану... что мне надоест за тобой бегать... как псу за строптивой сучкой?!

Следующие несколько минут противники кружили на площадке утоптанной земли, то атакуя, то отражая чужие удары или отклоняясь от них. А зрители, включая вождя, следили за поединком, теперь уже напряженно замолчав и затаив дыхание. Мало того, что участие в схватке невольника — само по себе событие редкое. Так, вдобавок, вопреки словам Малрана и ожиданиям большинства зрителей, невольник этот оказался вовсе не беспомощным рохлей. «Как держать меч» он теперь знал точно. Да и не только держать.

А потом черед обменов атаками и блоками закончилась. Причем далеко не красиво и не благородно. Почему-то Малрану вспомнилась уловка Ильи, к которой тот прибегал еще в самом начале занятий. И юный, а потому нетерпеливый, наставник, решил вдруг с ее помощью поскорее завершить поединок.

На миг присев, Малран едва заметным движением подхватил свободной рукой горсть

песка. И когда Криницкий подошел поближе, чтобы предпринять очередную атаку, наставник метнул горсть прямиком ему в лицо.

Ослепленный и ошеломленный, Илья едва успел прикрыться мечом — благодаря исключительно инстинктам, выработанным за время тренировок. Первую, последовавшую за горстью песка, атаку, он отразил. Но затем сильнейший толчок сбил его с ног.

— Прощайся с жизнью! — воскликнул Малран, занося клинок под вздохи зрителей — где-то исполненные облегчения, но где-то и горестные.

Вот только ни сдаваться, ни прощаться Криницкий не собирался. Успев худо-бедно сморгнуть попавший в глаза песок, он в последнее мгновение встретил удар меча Малрана собственным, выставленным плашмя, клинком.

Наставник опешил. Не иначе, подумал уже, что победа у него в кармане, что поединок по большому счету завершен. А тут — гляди ж ты: дополнительное время, как на футбольном матче. Такая невезуха!

Замешкался Малран на считанные мгновения, но и этого Илье хватило, чтобы ударить ногами по его щиколоткам. Противник зашатался и даже взвыл от неожиданной и острой боли, чем напомнил уже не бравого воителя, но побитую дворнягу.

А затем Криницкий подсек ноги Малрана, и тот повалился на песок.

Так, в течение нескольких секунд расклад в поединке изменился с точностью до наоборот. Теперь уже Илья, поднявшись на ноги, двинулся на поверженного противника, занося над головой меч.

Хуже — для Малрана, не для Криницкого — было то, что меч юного наставника глубоко и прочно воткнулся в землю. Больше чем наполовину! Малран явно не успевал достать его, а значит, и отразить атаку Ильи едва ли имел возможность.

Дабы снять даже эту, последнюю неопределенность, Криницкий пинком в грудь снова поверг, приподнявшегося было противника-наставника на землю, одновременно отбрасывая его от меча и вынуждая выпустить рукоять из дрогнувших пальцев.

Следом Илья намеревался ударить уже мечом — дабы снести, наконец, голову Малрана. Эту некогда насмешливую, нагло и презрительно ухмылявшуюся голову...

Пот застилал глаза и, смешанный с грязью, чуть ли не слепил. Сердце билось в груди с силой кузнечного молота. Криницкий, кажется, даже ушами мог слышать этот, доносящийся изнутри, грохот. Но рука была тверда и готова нанести последний удар.

— Стой! — в последний миг вдруг окликнул Илью голос... кажется, вождя Вольгрона — обычно, громогласный, но на сей раз прозвучавший, словно откуда-то издалека, — стой, ты! Своей властью, врученной мне кланом, я останавливаю поединок.

— В чем... дело? — судорожно вздыхая, вопрошал Криницкий, едва обернувшись, но меч все-таки опустил, — разве бой... не до смерти?

— Я останавливаю поединок, — повторил Вольгрон, и прозвучала эта фраза, на сей раз, с заметной ноткой упрямства, — ты доказал, что достоин называться воином... что тебе больше не место среди невольников. Но время сейчас тревожное. Каждый воин нынче на счету, и я не вправе разбрасываться людьми, умеющими держать оружие. Ты слышишь... понимаешь меня? Так что давай... закончим на этом!

«Угу. Закончим на этом, — не без иронии повторил про себя Илья, — отчего бы не закончить? Вот только интересно, если бы победил Малран, ты бы так же остановил бой?»

Снова перенесемся лет примерно на десять назад. В детство Киры, чей странный дар уже тогда доставлял ей самой неприятности, зато окружавшим ее людям — незаслуженное везенье.

Так сложилось, что ночевать девочке пришлось в брошенной норе-берлоге. А, проснувшись, она обнаружила, что было место ночлега на самом деле не норой, не берлогой, но чьим-то тайником. Каких-то, и непременно лихих, людей. Потому что только лихие люди прячут свои богатства в таких вот глухих местах: в лесной чащобе, или, скажем на необитаемом островке посреди моря. Не говоря уж о том, что, по мнению хотя бы отца Киры даже сами по себе золотые горы и россыпи обычно добывались ну как угодно, но только не честным трудом.

А уж золотишка-то в лесном тайнике обнаружилось немало. Кира не слишком разбиралась по малости лет в денежных вопросах, однако догадывалась, что ее родителям за всю жизнь столько не заработать.

Монеты и слитки соблазнительно поблескивали, вызывая в душе девочки борьбу противоречивых чувств. С одной стороны, она понимала, что чужое брать нехорошо, не говоря уж о том, что хозяева тайника наверняка были людьми опасными, скорыми на расправу. Едва ли они выказывали хотя бы каплю милосердия к тем, кто пробовал поживиться за их счет. Но в то же время уж очень хотелось Кире порадовать родителей. Тем паче, она знала: папа с мамой наверняка переволновались оттого, что их любимое чадо не вернулось с прогулки. Надо ж было как-то возместить им эту неприятность.

С полчаса девочка предавалась раздумьям, пока, наконец, не решила: горсточка золота неведомых хозяев лесного тайника наверняка не разорит. Да что там — ее пропажи не будет даже заметно в этих россыпях драгоценного металла. Тогда как для семейки из маленького городка даже ничтожная часть найденных сокровищ потянет на целое состояние. Как говорится, и овцы целы и волки сыты.

Придя к такому выводу, Кира сняла с головы косынку и завернула в нее с десятков золотых монет, подобранных с земляного пола пещеры. Этого ей показалось мало: девочка еще и оторвала лоскут побольше от платья, надорванного одичавшими собаками. В него, правда, завернуть удалось даже меньше, чем в косынку — монеты четыре, да и то не самых крупных.

Вот с такой добычей девочка выбралась из своего ночного убежища и отправилась домой. В каком именно направлении следовало идти, она думала недолго. Поскольку знала кое-что о частях света и ориентировании на местности. Например, про мох, растущий на деревьях с северной стороны. Или про то, что солнце, недавно взошедшее, начинает свой путь по небу с востока. Ну а лес находился к западу... вернее, к северо-западу от Геруна. Так что Кире следовало идти лицом к солнцу, не забывая при этом, что ближе к полудню дневное светило перемещается в южную часть неба. И потому, чтобы не сбиться с пути, не лишним было время от времени присматриваться к деревьям и росшему на них мху.

За время обратного пути Кира успела удивиться, сколь далеко в лес занесли ее вчера ноги. И ведь пробежала-то от окрестностей родного городка до лесного тайника с сокровищами на удивление быстро-быстро. Совсем за короткое время — движимая смертельным страхом. Теперь же из леса она вышла только к полудню, ни от кого не удирая

и никого не боясь. Вернее, страх возник ближе к концу пути, уже на лесной опушке. Кира испугалась новой встречи со вчерашней стаей. Да и боязнь попасться хозяевам золота из лесного тайника тоже неожиданно в ней пробудилась. «А вдруг пойдут проведать свои сокровища, а вдруг меня по дороге встретят, — думала девочка, покрываясь мурашками и холодным потом, — а у меня монеты... их монеты! И что тогда?..»

Вообще, возможностью встречи с разбойниками или одичавшими собаками, опасности, грозившие в лесу Кире, далеко не исчерпывались. Даже днем в лесу хватало опасных тварей — будь то медведь или змея.

Но, видимо, судьба, забавлявшаяся с Кирой, как кошка с мышкой, решила, что на сей раз девочке и самой должно в кои-то веки повезти. Хотя бы для того, чтобы чуток обогатить ее родителей. Так что никакое живое существо с недобрыми намерениями ей по дороге домой не встретилось — ни четвероногое, ни передвигавшееся на двух ногах.

А дома... то, что исчезновением своим Кира заставила родителей поволноваться, было еще мягко сказано. Отец и мать обошли Герун из конца в конец, выкрикивая имя дочери и чуть ли не срывая голоса. Расспросили всех горожан, с чьими детьми Кире доводилось хотя бы раз играть или поучаствовать в какой-нибудь авантюре. Самих дружков-приятелей пропавшей дочки тоже не оставили без внимания. Но все было тщетно. Кира не отзывалась, и никто из горожан ее не видел, никто из детей ничего не знал.

За тем, полным тревог, остатком дня последовала бессонная ночь. Мать Киры без конца молилась и плакала. Отец собрал у себя дома соседей, друзей и просто приятелей-собутыльников из местной таверны. Даже к городскому голове хотел обратиться, но не добился встречи. Поговаривали, что имперская служба того испортила. Раньше нормальным мужиком считался, мог без лишних церемоний пропустить по кружке пивка да поболтать с любым герунцем. Теперь же сделался шибко важным, что аж тошно. В костюмы, из самой столицы выписанные, стал рядиться. Цепь на шею повесил — с медальоном в виде имперского герба, да толстую, вдобавок. Редко показывался на людях. И в довершение всего завел секретаря и личного охранника. Дабы отгоняли от городского головы незваных гостей, тем паче просителей.

Просидев в горнице и посовещавшись да проспоров чуть ли не всю ночь, отец Киры с друзьями-приятелями-соседями пришли к такому мнению, что девочка, скорее всего, забрела в лес. А шарить в лесу среди ночи, в потемках — занятие бесполезное и даже опасное. Потому приступить к поискам решили хотя бы с рассветом. Да задействовать в оном собак.

Так и сделали... вот только пропавшая девочка углубилась в лес, как видно, гораздо дальше, чем теперь решились отец Киры и его товарищи по поисковому отряду. Так что к тому времени, когда девочка, наконец, ступила на одну из улиц Геруна, искавшие ее люди успели признать свое поражение и разбрестись по домам.

Единственным утешением для матери Киры стало обещание отца предпринять поиски вновь — новую попытку, как только друзья-приятели-соседи хоть немного передохнут.

Второй попытки не понадобилось, Кира успела раньше. И когда она постучала в калитку, когда отец с тихим ворчанием вышел открывать, а открыв, увидел, кого именно принесло к его дому в этот злополучный день — сначала даже не поверил в увиденное. Зато уже спустя пару мгновений неверие сменилось просто-таки безумным восторгом. Отец обнял Киру, подхватил на руки и закружил.

Не менее острой оказалась реакция матери, едва та увидела пропавшую дочь. Она снова

разрыдалась, но уже слезами радости и облегчения. И целовала, и прижимала Киру к груди, не веря, что любимое дитя осталось в живых.

Но еще больше повеселели родители, после того, как девочка тихим смущенным голосом сказала: «А я вам тут принесла кое-что... сколько смогла». И протянула маленькие узелки с завернутыми в них монетами.

К слову сказать, в первые минуты после возвращения домой Кира опасалась порки. И вообще наказания. Но тревожилась она напрасно: родители, чьи тревобления в одночасье сменились радостным облегчением, пребывали в эйфории, и думать не думали ни пороть девочку, ни даже ругать. Нашлась — и хорошо. Лучше-де и быть не могло. Когда же отец с матерью увидели, что именно принесла Кира вместо ожидаемых грибов или ягод, ни о каком наказании тем паче не могло быть и речи.

Золотые монеты с профилем одного из императоров и солнечным кругом с рваными краями, оказались весьма солидной суммой. «Ух, наконец-то мы сможем кое-что себе позволить», — с воодушевлением проговорил отец, под «кое-чем» понимая целый ворох проблем, решить которые их семье до сих пор было не по карману.

Теперь же карман пополнился. И за счет пополнения этого удалось и крышу дома починить — протекавшую во время сильных дождей, и прикупить на всю семью новой одежды... а также посуды и кое-каких инструментов, для работы в саду и не только. А предшествовал всем покупкам праздничный ужин с зажаренной до хруста телятиной, вкуснейшими привозными фруктами родом откуда-то с юга, с дорогой по местным меркам рыбой и таким же вином. Тогда же Кире в первый и последний раз довелось попробовать пирожных с кремом — сущую экзотику для новых провинций. Привозили пирожные в городки вроде Геруна редко и помалу, они долго залеживались на полках лавочников, так что свежестью обычно не отличались. Как и на этот раз: лично Кире редкое лакомство показалось немного черствым, а крем ощутимо жирным. И потому про себя девочка решила, что привычные булочки и бублики лучше.

— Смотрю, денег у тебя прибавилось, — без зависти, даже по-свойски прокомментировал один из лавочников, в чьем заведении отец Киры закупался для праздничного ужина.

— Сколько ни есть — все мои, — последовал уклончивый ответ, — тем более, радость у меня. Дочка пропавшая нашлась.

И все бы было хорошо, да только все хорошее имеет свойство заканчиваться. Тогда как аппетит приходит во время еды. Получилось так и на сей раз. Прошло около месяца, и от монет, принесенных Кирой, остались разве что приятные воспоминания... ну, если не считать, конечно, тех благ, на которые они были потрачены. И родители, прежде счастливые чуть ли не до головокружения, очень скоро приуныли. Непросто было вернуться к той жизни, где хоть они и не слишком бедствовали, но всегда лучше с деньгами обращаться бережно. Не пренебрегая ни грошом, дабы ненароком не остаться на бобах.

Чувства, обуявшие отца и мать Киры после того, как заветные монеты кончились, были похожи на чувства пьяницы, которого надолго лишили выпивки. Радость сменилась неприятным недоумением, за недоумением последовало все нарастающее ощущение неблагополучия, даже неудобства какого-то, недовольства жизнью. А там недалеко оказалось и до раздражения — сперва глухого, а затем все чаще выплескивавшегося наружу. Причем проявлялось оное как словесно, так и в поведении.

Пьяница обычно уверен, что пить его принуждают некие обстоятельства, над которыми

он не властен. А значит, всякий, кто мешает ему утолить свою пагубную для здоровья жажду, суть подлец и злодей пуще легендарных прислужников Тьмы. Вот почему завсегдатаи кабаков обожают жаловаться на жизнь и в неурядицах своих постоянно кого-то обвиняют. Кого угодно, только не себя.

Подобным образом начали вести себя вскоре и родители Киры. Все нехорошие чувства, овладевшие ими, мало-помалу переросли в упреки. И именно дочка, любимая и единственная, чьему возвращению и чьим находкам совсем недавно они были несказанно рады, превратилась теперь в мишень для нападков.

«И что ж ты так мало монет-то прихватила, — едва ли не каждый день стала слышать от родителей Кира, — такой шанс ведь раз в жизни выпадает».

О горах золота, спрятанных среди леса в заброшенной норе-берлоге, девочка рассказать успела. Так что отец и мать знали: кучкой монет, принесенных домой, находка Киры отнюдь не ограничивалась.

За упреком обычно следовала жалоба на начавшуюся нехватку денег, а ведь столько всего еще нужно было купить. Хотелось и землицы побольше под сад, и заменить доски пола, кое-где начавшие подгнивать, и той же Кире купить новые платья. А то ведь росла девочка быстро, и прежние одежды очень скоро делались ей малы.

И прочее, прочее, прочее...

Кире же оставалось в ответ на подобные разговоры только одно. Напоминать про объективное обстоятельство — что больше унести ей было не под силу. Она ведь, чай, не битюг какой!

В итоге мать от Киры отстала — не то ее доводам вняв, не то просто поняв бесплодность увещаний и жалоб. А отец нет. В случае с отцом упреки и жалобы вскоре сменились... просьбой показать ту нору-берлогу, где хранился клад.

Сначала просьбу эту он высказывал осторожно, с неизменными оборотами вроде «а ты не могла бы», «а что если» и тому подобное. И, само собой, отвечала на нее Кира, лишь посмеиваясь и разводя руками. Куда уж там, мол. Легче иголку даже не в стоге сена, а на целом сенокосе отыскать, чем тайник посреди леса. В конце концов, разбойники-то, укрывшие там свои богатства, тоже не дураки были. Знали, куда прятать, чтоб никто не нашел.

Доводы эти на отца действовали, он до поры отставал. А затем, не иначе, потеряв терпение, стал раз за разом пускаться в спор. Он говорил, что если хозяева золотых россыпей оставили их в лесу, то наверняка с расчетом туда вернуться и найти потайное место. А значит, отыскать его можно. Значит, не такое уж оно безнадежно затерянное.

Еще одним доводом для отца Киры стало то обстоятельство, что первый-то раз девочка на ту нору-пещеру таки набрела. И если назвать тот случай чудом, тогда выходило, что имелся у Киры чудесный дар. Коим не грех бы воспользоваться снова — на пользу родной семьи.

И именно слова насчет дара девочку проняли. Она и так давно догадывалась о своей необычности. О том, что другие дети не просто так подбивают ее на участие в разных небезопасных играх и выходках. Но верят, что она-де приносит им удачу, пусть даже рискуя сама.

А раз так, то, в самом деле, отчего бы Кире не помочь родному и любимому папе, поделившись своим необычайным везением теперь уже с ним. Ведь это всяко лучше, чем потворствовать так называемым друзьям — шалопахам сопливым — в их глупых проказах.

Так что Кира согласилась хотя бы попробовать. А оказавшись вместе с отцом в лесу, пошла, куда глаза глядят. Отринула всякие мысли и полностью доверилась случаю, каковой ей обычно-де благоволит. Или не ей самой, но тем, кто оказался рядом — в такие тонкости девочка не вникала.

Отец покорно следовал за Кирой, катя перед собою тачку. И предвкушая тот радостный миг, когда сможет наполнить ее золотыми монетами — доверху... нет, с бугром. В помощь себе он еще пригласил Ланика: мужика весьма скудного умишка, зато недюжинной силы и богатырского здоровья. Работать Ланик мог за троих, а уж выпивал столько, что другие завсегдатаи таверны после таких порций обычно оказывались без чувств под столом.

В общем, трудно было найти лучшего помощника при вывозе клада, чем этот Ланик. И нагрузить можно, и доли своей не потребует, а любую награду примет с благодарностью. Отцу Киры всего-то и пришлось, что пообещать ему бочонок пива — и Ланик был готов хоть горы двигать. Работать он мог, но не шибко любил... во всяком случае, не любил делать это регулярно, и потому деньгами лишними избалован не был. Тогда как выпивка обходилась дорого — особенно при его потребностях.

И вот Ланик вышагивал по лесу рядом с отцом Киры и следом за самой девочкой. Да болтал всякую ерунду, время от времени жалуясь на жизнь, и не шибко интересовался, слушает его кто или нет. Собственно, отец Киры и не слушал. Ничего путного его спутник, за глаза в Геруне прозванный полудурком, сказать не мог.

Так все трое проплутали по лесу часа примерно два. До тех пор, пока Кира не почувствовала усталость и не остановилась. А прежде чем присесть на траву под ближайшим деревом, она внимательно осмотрелась — проверяя, привела ее нить удачи к нужному месту или еще нет.

«Не знаю... не уверена, что смогу снова найти ее», — тихонько, с виноватой грустью произнесла девочка, не обнаружив заветную нору-берлогу поблизости. Отец, склоняясь рядом, лишь легонько похлопал ее по плечу, подбадривая.

Но видимо, все-таки удача не подвела Киру. И находился лесной тайник наверняка недалеко от того места, где она, отец и полудурок Ланик сделали привал. Потому что вскоре искатели клада оказались на том месте не одни.

Отец Киры встрепенулся, когда неподалеку хрустнула ветка. Сама девочка так и вовсе подскочила на ноги. И только Ланик с глупой улыбкой продолжал смотреть вверх, на нависающие над ним кроны деревьев. Да еще время от времени вворачивая словечко-другое, причем совершенно не к месту.

Вскоре на поляне показались четверо мужчин. Все с неаккуратными неухоженными бородами, гривами грязных волос и одетые явно с чужого плеча. Причем костюмы их, хоть и запачкаться успели, и обзавестись заплатами, но когда-то явно стоили дороже, чем одежда большинства жителей Геруна.

Но главное: у каждого на поясе висели ножны. У троих для кинжала, а у одного, судя по длине, для полноценного меча. И ножны непустые, не зря из них торчали рукояти. Еще один, самый дюжий из незнакомцев, нес на плече топор. Простой топор дляковки дров... но способный, при надобности, разрубать не только дрова.

Четверо незнакомцев о чем-то непринужденно беседовали — большей частью, негромко. И время от времени посмеивались. Зато увидев девочку и двух мужчин, отдохавших на поляне, мигом смолкли и подобрались. Да еще едва заметно переглянулись.

— Здравствуйте, люди добрые, — с беспечным простодушием окликнул их

обернувшийся Ланик.

Бородачи на приветствие не ответили. Зато, по меньшей мере, один из них скользнул взглядом по встреченным в лесу чужакам... и отдельно остановился на их тачке.

— Это то, о чем я думаю? — спросил он подчеркнуто равнодушным тоном, ни к кому вроде не обращаясь. И имея в виду, очевидно, как раз тачку, вернее, неуместность ее присутствия посреди леса.

Неуместность... если, конечно, не принимать во внимание одно обстоятельство.

— Да вот... по дрова решили заглянуть, — стараясь говорить как можно спокойнее, даже с некоторой небрежностью в голосе, поспешил пояснить отец Киры, поймав взгляды уже всех четырех бородачей, устремленные в сторону тачки.

— По дрова? — один из бородачей, тот, что с топором, хмыкнул, но лицом оставался серьезен, — далеко же вас занесло... по дрова.

— Далеко, — кивнув, согласился его спутник, — на опушке бы не меньше могли нарубить. А то гляди ж... куда пожаловали.

— И как они только узнали, — с досадой, чуть ли не жалобно, произнес третий из незнакомцев, самый молодой.

А затем, движимый нетерпением — этим главным пороком молодости — первым потянулся к ножнам.

— Кира, беги! — вскричал отец девочки, одновременно вскакивая на ноги и вырываясь наперерез бородачам-разбойникам. Что это были именно разбойники, причем хозяева лесного тайника, для него стало более чем очевидно.

На ходу отец подобрал с земли толстую засохшую ветвь и замахнулся ею как дубиной. На мгновение разбойники отпрянули, растерявшись — попадать под удар первым никому из них не хотелось.

— Кира-а-а, беги-и-и! — повторил отец еще громче, просто-таки надрывая горло.

Его решительность выигрывала для дочери несколько секунд. Драгоценных секунд, за которые Кира вполне могла унести ноги, как когда-то улизнула от стаи одичавших собак. И вряд ли разбойники могли ее догнать... в этом случае.

Вот только Кира не побежала. Потому как успела слишком увериться в своем даре. Подумала почему-то, что удача, которую получит от нее отец, поможет ему победить, отбиться от вооруженных бородачей. Если же убежать, думала девочка, любимый папа останется без удачи, сам по себе. И наверняка погибнет.

Вероятно, некоторый резон в ее мыслях имелся. Во всяком случае, атаковать разбойники не торопились. Выжидали — поглядывая то на отца Киры, то на его здоровяка-спутника. Решали, кто из них может быть опаснее.

Однако несчастье пришло, как водится, с той стороны, откуда его не ждали.

— Арьят... слышь, Арьят, — обращаясь к отцу Киры, пробубнил Ланик с недовольством капризного дитяти, — я тебе вообще-то только с грузом помочь согласился. А драться из-за тебя уговора не было.

К несчастью, что для Киры, что для ее родителя, глупостью и склонностью к пьянству перечень его пороков отнюдь не исчерпывался. Вдобавок, Ланик-полудурок еще и слыл безнадежным трусом.

— С грузом помочь, — повторил один из разбойников чуть ли не с обидой, — нашли тоже груз!

А вот отец Киры не придавал словам Ланика значения. Как и его репутации труса — еще,

когда избрал этого полудурка себе в помощники. Даже не подумал тогда, что может встретиться с хозяевами клада. А теперь не смог предвидеть, чем обернется для него трусость Ланика перед лицом вооруженных врагов.

И напрасно. В обоих случаях — напрасно.

Подойдя к спутнику со спины, Ланик перехватил его руку — ту, что держала ветвь. Крепко схватил, за запястье. Да с силой почти медвежьей. Отец Киры мог с тем же успехом попытаться высвободиться из капкана.

— Эй, вы, все, — проговорил полудурок, обращаясь к разбойникам, — Арьят обещал мне бочонок пива, если я помогу ему вывезти из леса... кое-что. Вот если вы...

Изложить до конца Ланик не успел. Враз смекнув, что противников оказалось не двое, а один, причем неожиданно обезвреженный, разбойники перешли к решительным действиям.

Рука с кинжалом рванулась в сторону отца Киры. Мгновение — и тот начал оседать на траву, а на животе, сквозь рубаху, стремительно расплывалось кровавое пятно.

Еще один разбойник — тот, который держал топор — немедля пустил его в ход. Обрушив на голову безмятежного Ланика.

Вот тогда-то Кира и побежала. Со всех ног... однако, убежать далеко ей не удалось. Хваленое везение не спешило на помощь лично к ней. Напротив, на пути оказался ствол старого, поваленного дерева. Девочка споткнулась об него и на ходу шлепнулась в траву.

Тут-то ее и настигли.

Один из разбойников ухватил беглянку за шиворот, приподнимая. А другой рукой уже устремил в ее сторону кинжал... однако, остановился в последний миг.

— И что мне с тобой делать? — вопрошал он с какой-то неожиданной смесью усталости и укоризны в голосе.

— Отпустить? — робко пискнула Кира, сама не очень-то верившая в благоприятный для себя исход.

— Что мне с ней делать? — теперь уже крикнул разбойник, обращаясь к подельникам, а просьбу девочки будто и не услышав, — убивать ее я не собираюсь... не могу, в общем.

— Она знает, где золото, — изрек разбойник с топором таким тоном, точно эти слова все объясняли.

Но, к счастью для Киры, ее не убили. Хотя и не отпустили, увы. Впрочем, это уже другая история.

Илья Криницкий ожидал, что после выпускного экзамена-поединка жизнь его наладится, что мытарствам придет конец. Что не будет больше осточертевших тренировок — хоть с посрамленным Малраном, хоть с кем-то еще. И невольничьему бараку можно будет сказать «адъез».

Он ведь теперь свободный житель варварского поселения, думал Илья. И не просто свободный — его-де приняли в ряды воинов, высшей касты. И будет он теперь ходить в набеги, возвращаться с богатой добычей, а по возвращении пировать в Длинном Доме рядом с Вольгроном Сотней Шрамов. Ну, может, не рядом, но хотя бы за одним столом.

Вольгрон ведь как сказал: каждый воин нынче на счету. И фраза эта для Криницкого прозвучала на редкость обнадеживающе. Раз на счету, значит, еще один воин в клане будет не лишним. И ничего, что он бывший невольник. Разве нет?

Увы, как вскоре стало ясно, имел в виду вождь отнюдь не Илью. И не потому, что считал его хуже. Нет, то, что Криницкий оказался лучше хотя бы одного из воинов клана, стало ясно после поединка-экзамена. Скорее, наоборот. Вольгрон, похоже, слишком буквально воспринял «Пророчество о Разрушителе». И счел, что использовать вероятного героя «Пророчества» в качестве рядового вояки так же неразумно и непрактично, как забивать гвозди драгоценным камнем.

Что требовалось от Разрушителя, а также от его товарки по несчастью — Воплощенной Удачи — так это поскорее встретиться с Колдуньей и Вором. Дабы «Пророчество», наконец, исполнилось, а маги с их Империей, эти злейшие враги варваров, были повержены.

Для этого Разрушителю-Илье и Удаче-Кире требовалось для начала попасть в Темные Земли — потому что хотя бы Колдунью они могли найти только там. Про последнее прибежище сторонников Тьмы за его пределами было мало что известно... кроме того, что Темные Земли могут быть очень опасными, даже по меркам варваров. Не обещала быть безопасной и дорога туда. В противном случае и в Загорье народ из этих мест с большей охотой заглядывал, и наоборот: ответные визиты обитателей Темных Земель случались бы куда чаще. Но нет ведь, не случались.

Собственно, это и стало главной целью боевой подготовки Ильи и Киры. Дать им шанс хотя бы ступить на земли прислужников Тьмы, по пути туда не погибнув. С ними же, кстати, вызвался идти Малран. Хотя нельзя сказать, что обоих порадовало это обстоятельство. Впрочем, Криницкий отнесся к желанию бывшего наставника предельно прагматично. Сочтя, что лишний меч им не помешает. Не говоря уж о том, что в этом мире Малран ориентировался гораздо лучше их двоих... во всяком случае, по эту сторону гор.

Конечно, Илья немного опасался мести со стороны пылкого, посрамленного на ристалище, юнца. Но успокоил себя, предположив, что все изначально так и задумывалось — поражение Малрана, коего превзошел собственный ученик, дальнейшее участие молодого наставника в его судьбе. А коль Малран знал заранее, к чему все идет, то и поводов для обиды, тем паче, для мести у него не имелось.

Рассуждения эти соответствовали действительности примерно в той же степени, что и любые другие мысли, направленные на самоуспокоение. То есть, представляли собой в лучшем случае полуправду. Зато помогли Криницкому избавиться от страха хотя бы перед предательством, ударом в спину. И то хлеб. Ведь всякий страх, как известно — не самый

лучший спутник в походе.

А прежде чем отправить всех троих в путь, Вольгрон лично съездил к проводнику по Темным Землям и договорился с ним. Обитать проводник предпочитал все-таки по эту сторону гор, что было, хоть парадоксально на первый взгляд, но вполне объяснимо. Видимо, захваченное Тьмой Загорье никак нельзя было назвать приятным для жизни местом.

С другой стороны, и пребывая в этих краях, проводник сторонился человеческого общества, живя даже в большем уединении, чем давешний знакомец Ильи — Хранитель. К Хранителю-то, по крайней мере, заходили люди из ближайшего селенья: еду приготовить, еще как-либо по хозяйству помочь. Проводник же пропитание себе добывал сам. Либо покупал на деньги, полученные от клиентов вроде Вольгрона, либо, если заработков не было, промышлял охотой. Но даже когда ему приходилось идти на контакт с людьми — хоть зарабатывая деньги, хоть тратя их — проводник сводил его сугубо к процессу обмена.

Приехав за товаром в какой-нибудь городок или деревню, проводник убирался оттуда сразу же, едва только нужная ему вещь или снедь была получена. Ни на день, ни даже на часок там не задерживался. И никаких знакомств с местными жителями... да и жительницами тоже, никаких пьяных посиделок в таверне. Все перечисленное проводник почитал бесполезной тратой драгоценного времени, а к выпивке так и вовсе относился, как к отраве.

В свою очередь, если проводник подряжался помочь кому-то добраться в Темные Земли и чего-то в них разыскать, от подопечных он требовал две вещи. Во-первых, не предпринимать никаких попыток завести с ним дружбу, не говоря уже о любви, или хотя бы спровоцировать его на посторонние разговоры. Ну а во-вторых, указаниям проводника надлежало подчиняться беспрекословно, не задавая лишних вопросов.

Более того, даже имени проводник по Темным Землям не имел, чем опять напомнил Хранителя. Все его так и звали: Проводник. Говорили, что таков уж его обет — отказаться от своего прошлого, от имени и привязанностей, даже от самой личности. И когда он умрет или просто не сможет заниматься своим делом, когда найдет себе преемника — тот тоже должен будет забыть свое имя и называться просто Проводником.

Обо всем этом рассказывал словоохотливый Малран, пока они, напутствованные Вольгроном, шли к жилищу Проводника. Все трое: Илья Криницкий, его бывший наставник а также Кира, чья чудесная удача призвана была их хранить.

В кольчуге, даром что облегченной, в рогатом шлеме и с арбалетом за спиной вид у девушки теперь мог показаться даже грозным. Но только, увы, на первый взгляд. Присмотревшись же, все равно нетрудно было заметить хотя бы ее лицо — чуть грустное, немножко растерянное и даже, порою, затравленное. Примерно таким оно было еще в ту пору, когда Илья и Кира встретились в камере на имперской заставе. И почти не изменилось.

Криницкому таким выражением лица вкупе с боевой амуницией девушка напоминала маленькую собачонку, оставленную на привязи — охранять что-то, но на надежного охранника ну никак не тянущую. Собачонка такая могла сколь угодно громко лаять, но своим видом, не то взволнованным, не то испуганным, внушала не страх, а жалость. И совсем не внушительные размеры ее впечатление только усиливали.

Словоохотливостью Кира не отличалась. За несколько дней пути с Ильей они побеседовали всего один раз. И то недолго.

— Что ж ты грустная-то такая? — вопрошал Криницкий, желая подбодрить спутницу, и

даже попробовал похлопать ее по плечу, но девушка проворно увернулась, — не по душе, смотрю, тебе эта затея?

— А тебе по душе? — вопросом на вопрос отвечала Кира, а потом послала еще один вопрос вдогонку, — или тебе нравится делать что-то, к чему тебя принуждают?

— Не всегда мы делаем лишь то, что сами хотим, — философски изрек Илья, разводя руками, — такова уж жизнь... видимо. Можно подумать, ты до сих пор жила, как хотела, а теперь вот...

— Всякое бывало, — небрежно бросила Кира, без лишних церемоний перебивая собеседника, — пока дома жила, у родителей... там серединка на половинку была. Могла играть, гулять в свое удовольствие. Но если мама с папой что-то говорили... что-то сделай, а что-то не делай — приходилось слушаться. Но вот когда в плен первый раз попала — там, сам понимаешь. Слушаться приходилось больше, наказывали строже. А вот свобода... ее, почитай, и не стало совсем.

— В плен? Первый раз? А как?.. — вопрошал удивленный Илья, внутренне сочувствуя жизни спутницы — вроде короткой, но оказавшейся, похоже, весьма насыщенной. Причем далеко не приятностями.

— Как-как — в детстве еще, — молвила девушка и закатила глаза, — впрочем, это долгая история. Не хочется ею тебя утомлять.

Хоть и нельзя было назвать Киру приятной собеседницей, но дело свое она знала... а может, знания от нее здесь и не требовалось. Так или иначе, но дар ее таинственный сработал как часы. Несколько дней пути до жилища Проводника прошли без приключений и даже без особых хлопот. Не считая, конечно, необходимости разводить костер и готовить еду на привале.

Проживал Проводник в предгорьях — по служебной, так сказать, необходимости держась поближе к границе владений Тьмы. И когда Илья, Малран и Кира подошли к его дому, лично Криницкий понял, что разница между Проводником и Хранителем гораздо больше, чем он предполагал.

Собственно, и сходство-то этих двоих, похоже, ограничивалось разве что отсутствием имен и нелюдимостью. Но Хранитель жил в нормальном доме — даже роскошном, если сравнивать с хибарами варваров. Тогда как Проводнику домом служил цельный кусок скалы, в коем неведомая сила прорубила проемы для окон и входной двери. Да и помещения кое-какие, наверняка.

К тому же в мизантропии Хранителя чувствовалась какая-то наигранность. Какое-то кокетство. Он мог ворчать на дурно пахнущих людишек из поселений, но охотно принимал их помощь, даже терпел присутствие. И потому селиться предпочел все-таки поближе к предметам своей якобы ненависти. На последнее пойти его наверняка заставил расчет: очень трудно жить совсем одному, когда ты стар и немощен.

Совсем другое дело — Проводник. Его неприятие людского общества было искренним и компромиссов почти не допускало. Потому обитал он в совсем уж безлюдном уголке мира. С одной стороны горы, с другой обширные пространства, занятые девственными хвойными лесами... на ум Криницкому при виде их еще приходило слово «тайга». И никакой дороги к обители Проводника не вело. Желаящим встретиться с ним могли рассчитывать разве что на ориентиры и карты, полученные от сведущих людей. Всем же остальным, несведущим и, паче, неплатежеспособным делать здесь было нечего. Принимать гостей Проводник желанием не горел, как не был рад и экскурсиям любопытных зевак.

В дверном проеме жилища Проводника не было, собственно, двери, а в проемах оконных — ни рам, ни ставен, не говоря уж о стеклах и занавесках. По этой причине так называемый дом был похож на череп некоего исполинского, но ныне, к счастью, мертвого существа. Особенно издали.

Сам хозяин сидел прямо на земле, у порога. Притянув колени поближе к туловищу, а спиною привалившись к стене дома-валуна. Относительно молодой, он успел зарости густой черной бородой. А одет был в буро-грязно-зеленый плащ с капюшоном, такие же штаны и рубаху, перевязанную ремнями. Под цвет одежды были и сапоги.

Никаких слов приветствия трем пришельцам Проводник не сказал. И даже на появление их никак не среагировал, продолжая молча сидеть и смотреть куда-то мимо... или сквозь подошедших чужаков.

Впрочем, эта безмятежность, даже отрешенность какая-то от мира, оказалась ложной. Стоило одному из пришельцев — а именно, нетерпеливому Малрану — сделать лишний маленький шагок в его сторону, как Проводник в одно мгновение подскочил на ноги, а в каждой руке у него сверкнуло по метательному ножу.

«И откуда он их достал, когда успел?..» — с удивлением и толикой восхищения подумал еще Криницкий.

Его бывший наставник, а ныне спутник испуганно отпрянул. Тогда как сам Илья вскинул руку с раскрытой ладонью — интернациональный жест, обозначающий мирные намерения.

— Вы от Вольгрона, — не спросил, а констатировал Проводник сухим, грубоватым и почти лишенным эмоций голосом, — наверняка от него... больше никого я не ждал.

— Ну да, — подтвердил Криницкий, — нам...

Проводник не дал ему договорить — перебил, переходя сразу к делу.

— Вам нужно что-то, что можно найти только в Загорье, — были его слова, — и тот, кто послал вас сюда... вождь Сотня Шрамов, сказал, что я могу вам в этом помочь. Так?

— Так, — отвечал Илья.

— Тебе заплатили, — не то задал вопрос, не то напомнил Малран.

— Солнце встает на востоке, — такими словами отреагировал Проводник на его реплику, — трава зеленая. Горы высокие... и падать с них больно. Ох, как больно... Что, продолжим сообщать друг другу очевидные истины или все-таки перейдем к сути?

Последний вопрос был риторическим, и ответа на него хозяин дома-черепа дожидаться не стал.

— Теперь по поводу моей сделки с Вольгроном, — поспешил он внести ясность, — да, мое время стоит дорого и да, ваш вождь не поскупился. Однако это не значит, что я должен с вами нянчиться, вытирать сопли и помогать снять штаны, когда кому-то из вас приспичит облегчиться. Скажу даже больше: сделка будет считаться выполненной, если вы хотя бы выйдете из-под этих гор... ступите в Темные Земли живыми. Глядя на то, какое мясо вы собой представляете, я понимаю, что даже этого добиться будет нелегко.

— А разве там... опасно? — робко поинтересовалась Кира, зачем-то тыча рукой в направлении каменистых горных склонов и белеющих вершин.

Проводник подошел к ней почти вплотную и сперва молча оглядел с ног до головы. Выражение лица у него при этом выражало такую нескрываемую и подчеркнутую безразличность, что могло показаться: Проводник вот-вот плюнет Кире в лицо.

Однако ж не плюнул. И даже ответил — вполне обстоятельно.

— Там, — небрежным тоном передразнил он девушку и тоже потряс рукой, указывая на горы, — там, дитяtko, не просто опасно. Там смертельно... пройти по горам невозможно в принципе. Потому последние приспешники Тьмы за ними и укрылись, как за крепостными стенами. Непроступными крепостными стенами.

Сказав это, Проводник сделал паузу длинною в несколько мгновений. Так, чтобы сведения, которые он только что сообщил, получше отложились в головах Киры, Ильи и Малрана. После чего продолжил:

— А путь в Темные Земли один, и проходит он не над, а под горами... чтоб вы знали. Единственный туннель... и да: идти по нему... хе-хе, далеко не весело. Паучьи гроты чего стоят. А есть еще Пещера Иллюзий и... ну да ладно. Лучше сами увидите. В любом случае, лично я вам не завидую. Да что там — всем нам не завидую, если честно.

Если делаешь что-то впервые, вообще-то всегда бывает, хоть немного, но страшно. Зато и запоминается на всю жизнь. Это тем более справедливо, когда избегаешь смерти... ну или попадаешь в плен. Да после того, вдобавок, когда на твоих глазах убивают кого-то из близких.

Однако десятилетней Кире не иначе, как повезло. В то первое пленение, о котором она годы спустя вскользь обмолвится в разговоре с Ильей Криницким, разбойник, отловивший девочку, оказался не совсем уж бесчеловечным подонком. Даже морали какой-то не был чужд. «Убивать я ее не собираюсь, — говорил он подельникам, — не могу в общем».

А может, повезло не Кире, а как раз тем, кто ее пленил. Ведь вместо очередного трупа на своей совести, разбойники получили живой ходячий талисман, приносящий удачу. Вот уж действительно трудно сказать однозначно. Причинно-следственные связи — они порой так переплетены, до того между собой перепутаны, что не всегда разберешь.

«Она знает, где золото», — увещевал совестливого подельника разбойник с топором, намекая, что оставлять в живых человека с подобными знаниями не только глупо, но и опасно. Кого угодно: хоть мужика, хоть женщину, хоть ребенка.

Два других разбойника придерживались того же мнения. Но их подельник — тот, кто еще держал Киру за шиворот — поспешил их успокоить. Сообщив, что хоть эта девочка и узнала лишнего, но рассказать о тайнике никому не сможет, даже оставшись в живых.

«Разве что нагрянут имперские вояки и вызволят ее, — допустил этот разбойник, — но если так и впрямь случится, золото нам всем уже будет без надобности».

В итоге все четверо сошлись на том, что судьбу маленькой пленницы должен решить главарь шайки. К нему-то Киру и повели. А на пути проведали тайник с золотом. Заглянули внутрь берлоги-норы и убедились, что подземная пещера по-прежнему завалена золотом: если что и пропало оттуда, то заметить было трудно.

«Повезло тебе», — так прокомментировал результаты осмотра разбойник с топором, покосившись в сторону пленницы.

А после визита к тайнику... Кира думала, что убежище, в котором затаилась пленившая ее шайка, находится в самой глубине леса. И представляет собой какую-нибудь пещеру. Ну, или скопище шалашей, например. Однако девочка ошиблась. Как оказалось, разбойники поселились в маленькой глухой деревушке. Давно покинутая прежними жителями, она, похоже, ни на йоту не интересовала власти — хоть имперские, а хоть даже местные, управляющие в провинции.

Дома здесь стояли покосившиеся, крыши кое-где прохудились, а от заборов остались одиночные доски — остальное, судя по всему, ушло на дрова. Не было слышно привычных звуков, вроде лая сторожевых собак, мычания коров или визга играющей детворы. И лишь один какой-то голос, громкий и пьяный, заметно заплетавшийся, горланил тоскливую песню.

Не оправдались ожидания Киры и насчет главаря шайки. Вместо звероподобного человека-горы, по уши заросшего бородой, им оказался невысокий мужчина средних лет. Что примечательно — единственный из увиденных девочкой разбойников, чья борода хранила следы ухода, а одежда не казалась обносками.

Занимал главарь самый большой из домов деревни — как видно, раньше здесь проживал

не то староста, не то местный помещик. Дом, кстати, оказался новому хозяину под стать: во всяком случае, ни заброшенным, ни превращенным в свинарник, он не выглядел.

Когда к нему пожаловала четверка подельников с маленькой пленницей, главарь как раз сидел в высоком деревянном кресле и... листал какую-то книгу. Книгу! Притом, что Кира, например, даже грамоте не была обучена. Вообще, в Геруне умение читать и писать считалось, скорее, исключением, чем нормой. Лишь немногие, в их числе мать Киры, сподобились самостоятельно выучить алфавит, чтоб хотя бы прочесть в случае надобности бумажки с печатями, то выходявшие из городской управы, то присылаемые от наместника или из самой столицы. Герунский голова не первый год грозился устроить в городке школу, дабы хоть детвора выросла грамотной. Но покамест дальше разговоров дело не пошло.

А тут... какой-то разбойник, отброс рода людского из глухой деревушки, держит книгу в руках и скользит по ней взглядом, листает так же легко и естественно, как, например, та гнида Ланик — пьет. Вернее, пил.

На миг руки Киры инстинктивно сжались в кулачки при воспоминании о предательстве полудурка. Вернее, о том глупом поступке, стоившем жизни ее отцу и свободы самой девочке. Об очередном глупом поступке в жизни Ланика. Впрочем, так же быстро Кира и успокоилась. В конце концов, за глупость свою полудурок и так уже поплатился.

Хоть Кира и не умела читать, а видеть ей пару раз книги приходилось — в доме кого-то из соседей. И потому девочка могла с полным правом заявить, что книга, которую читал главарь, выглядела, мягко говоря, необычно. Во-первых, она была непривычно тонкой. Отнюдь не том размером с кирпич. Во-вторых, обложка блестела, точно мокрая или обмазанная жиром, оказалась какой-то цветастой... из-за рисунка. Некое суровое мужское лицо с бородой и шрамом было воспроизведено с необычайной точностью — как же надо было постараться неведомому художнику! Наконец, листы книги оказались донельзя тонкими и почти белыми. Ничего подобного в книгах, стоявших на полке в соседском доме, девочка не видела.

Читая, главарь улыбался — чуточку загадочно, с хитрецей, но совсем не злобно. А, увидев вошедших, спешно закрыл и отложил книгу, сам же вмиг принял вид серьезный и сосредоточенный.

— Та-а-ак, и кто у нас здесь? — вопрошающе молвил предводитель разбойников, зачем-то складывая пальцы рук «домиком».

— Девчонка, — отвечал разбойник с топором, — а с ней еще два мужика каких-то было...

— Видно, что не мальчишка, — перебил главарь, — к делу. Ближе к делу.

— Они как-то узнали, где мы прячем добычу, — пояснил другой разбойник из четверки, — золото, драгоценности. Решили вот поживиться... целую тачку прикатали.

— Но пали позорной смертью, — сообщил с ноткой торжественности в голосе разбойник с топором.

— Интересно, конечно... но странно, странно, — флегматично произнес главарь, зачем-то покосившись на потолок, словно именно там мог отыскать ответ, — мужики-то понятно... тачка. Но девчонка-то им зачем? Если они и впрямь хотели умыкнуть наше золото, какой им толк от девчонки? Разве она могла им сильно помочь? С этими слабенькими ручками?.. Кстати, ничего не пропало?

На последнем вопросе спокойный рассудительный тон покинул главаря, и в голосе появилась строгость, даже суровость. Таким же суровым на миг сделался и его взгляд.

— Нет-нет, ничего, — поспешно отвечал один из разбойников, смутившись под этим взглядом.

— Так не успели, говорю же, — вторил его подельник, несший на плече топор, — больше ничего не стянут, гы-гы. Мы бы и девчонку порешили, но Вакар... этот размазня...

— Стоп-стоп, — главарь громко хлопнул в ладоши, перебивая его излияния, — мне интересно, а с чего вы тогда взяли, что те двое... и это дитя задумали обчистить наш тайник? А как вам такое предположение? Все трое отправились на охоту... или по грибы... да мало ли. Любой повод сгодиться. Лес большой, всем дела хватит. Как и места. Ну а тачку они взяли, чтобы везти девчонку, если она вдруг из сил выбьется, идти не сможет.

Разбойники озадаченно переглянулись, не найдя, что ответить. Предположение главаря, конечно, выглядело притянутым за уши. Но не намного больше, чем их собственное объяснение присутствия в лесных дебрях двух мужиков с тачкой.

У Киры же при словах предводителя шайки в душе затеплилась надежда. Что-де разбойники отпустят ее... но не тут-то было.

— А не один хрен? — это подал голос головорез с топором, — мало ли, что эти жмурики там задумали. Все равно девчонка видела, где золото спрятано.

— Ты ведь нас тайник проверить послал, — вторил, напоминая главарю, другой разбойник, — ну мы и проверили... по дороге сюда. Пока эту козявку вели. И с ней, значит...

— Даже так? — главарь поморщился, точно от головной боли, воротя лицо, — ох, болваны... ну какие ж болваны, Тьма вас возьми!

— А этот слюнтяй... — вновь завел свою песню разбойник с топором, кивая в сторону молчаливого Вакара.

— Достаточно, — перебил его, отчеканив командным голосом, главарь и обратился к совестливому разбойнику, — Вакар! Не захотел убивать ребенка — дело твое. Осуждать тебя я не собираюсь... не за что, по большому счету. Однако раз ты ее притащил, теперь это твоя пленница и больше ничья. Можешь продать ее, можешь заставить на себя работать... как хочешь, пользуй, мне плевать. Как и всем, здесь присутствующим. Главное, помни: ты за нее отвечаешь... и да: кормишь тоже сам. На этом все. Вопросы будут?

У разбойников вопросов не было, они, все четверо, кто руками развел, кто головой помотал. Нечего по большому счету было спрашивать и Кире... другое дело, что от этого «как хочешь, пользуй» из уст главаря девочке стало не по себе. Уж очень двусмысленно звучала эта фраза. Вернее, могла толковаться чересчур широко и вольно.

Еще когда Кира была совсем маленькой, мать пугала ее лихими людьми. Говорила, что если дочурка уйдет гулять далеко от дома, особенно ночью, и если даже просто не будет слушаться родителей — ее поймает разбойник, утащит-де в свое логово и надругается. Значения слова «надругается» девочка в ту пору еще не знала, но оно все равно звучало для нее угрожающе. Ибо казалось чем-то средним между двумя однозначно неприятными словами: «надавать» и «ругаться». А надавать можно по шее или по заднице, что бывает больно. Да и когда ругаются, в этом тоже нет ничего хорошего.

Что уж говорить про то время, про тот возраст, когда Кира попала в разбойничий плен. Теперь подлинное значение угрожающего словечка было ей уже знакомо — из разговоров с все теми же герунскими шалопаями, любителями использовать странный дар девочки.

То есть, годам к десяти Кира знала, что детей вовсе не аисты приносят. И ни в каком саду-огороде ее родители случайно не обнаружили. Оттого-то решение главаря, по сути

отдавшего девочку в рабство одному из разбойников, напугало ту еще сильнее. Срочно следовало спасать положение. И коль уж выпал жребий жить теперь в разбойничьем логове, надо было попробовать хотя бы в нем занять место получше. Не бесправной пленницей, над которой при желании можно «надругаться», а кем-то важнее, полезнее.

И Кира увидела единственный способ добиться этого. Потому и решилась на неожиданное признание.

— Подождите! — выкрикнула она, и пять пар глаз разом недовольно уставились на девочку, точно та не то грязно выругалась, не то звучно испортила воздух, — у меня есть... даже не вопрос... ответ. Мой отец и тот второй... его Ланик звали... так вот: мы действительно шли к вашему тайнику.

— Если до тебя не дошло, то говорю лично: это уже не важно, — недовольно изрек главарь, выговаривая последние слова медленно, почти по слогам, — была проблема, и проблема решилась. И это хорошо. Кто-то погиб... ну а ты радуйся, что хоть в живых осталась.

— Да не в том дело! — голос Киры чуть ли не срывался от волнения, а слова посыпались скороговоркой, — я вам хочу сказать... в общем... зачем отец и Ланик взяли меня с собой. Дар у меня... приманивать удачу... больше для других... вот. Потому и взяли. Я один раз пошла наудачу... и нашла ваш тайник. Отец хотел... чтобы я снова наудачу пошла... и нашла опять, вот так. А то дорогу-то я забыла...

— Глупость, конечно, — главарь хмыкнул, — давно не слышал подобной ерунды. Хотя отдам должное: даже она кое-что объясняет. Хотя дело может быть не столько в даре, сколько в суеверности твоего папаши.

— Покойного папаши, — зачем-то поправила, да еще и ворчливым голосом, Кира. И запоздало устрашилась своей неосторожной дерзости.

— Покойного, так покойного, — не стал спорить главарь, — не в том ведь дело. Я не знаю, на что ты рассчитываешь, приписывая себе фантастическую удачливость, но спешу разочаровать. Дело, скорее всего, было так. Первый раз ты обнаружила наш тайник случайно. Гуляла по лесу... или от зверей убегала — и вот тебе повезло. Или не повезло, с какой стороны посмотреть. А отец твой... покойный и рад был поверить. Так хотелось ему добраться до наших сокровищ, что готов был за соломинку хвататься. Как утопающий.

— Ну, вообще-то... неплохая соломинка-то получилась, — вмешался в разговор один из разбойников, — когда мы их нашли, они уже неподалеку от тайника ошивались. Потому и встретились. А иначе... ну, лес-то большой. В общем, если б мы этих крыс не остановили, они и... того. Могли даже найти тайник... я уверен.

— А я что говорила! — снова затараторила Кира, — да меня, чтоб вы знали, потому на всякие игры опасные и подбивали. И не только на игры. В чужой огород залезть — возьмем Киру. Стянуть из лавки чего — без Киры никак...

— Да-а-астаточно! — едва ли не выкрикнул, растягивая первый слог, главарь, перебивая девочку, а сведенные «домиком» его ладони столкнулись с оглушительным хлопком, — ты далеко пойдешь, дитя, помани мое слово. Если выживешь, конечно. От горшка два вершка, а знаешь уже, кого на какую наживку ловить. Что нам, лихим людям, без удачи как без воздуха, налету просекла.

После секундной паузы он откинулся на спинку кресла и, вздохнув да томно закатив глаза, подвел под разговором черту.

— Удача лишней не бывает, тут и говорить не о чем, — голос главаря звучал теперь

негромко, но по-прежнему весомо, — но... принимать обещания слепо на веру я не привык. Поэтому придется провести проверку. Завтра, вместе с парнями займетесь тем, что у меня на родине еще называется «грабить корованы»...

Последнее слово он произнес нарочито с ошибками, особо выделяя каждую из двух «о», точно считал это забавным.

— ...примерно в дне пути отсюда тракт проходит. Не ахти какой оживленный, на то и провинция, но мы частенько туда выходим поживиться. Так вот, обычно, даже когда налет оказывался удачным, хотя бы один... а чаще двое из наших бывали ранены. Одного даже убили как-то. На ближайший налет парни возьмут тебя с собой... Вакар, проследи, чтобы не было... никаких накладок. Понимаешь, о чем я?

Разбойник, к которому главарь обращался, молча кивнул. А сам предводитель шайки перешел, наконец, к изложению условий сделки с Киры:

— Если при твоём присутствии, девочка, исход будет другим... то есть, и добычу мы получим, и потерь не будет — тогда я тебе поверю. Станешь нашим талисманом, и я лично возьму над тобой опеку. Будешь жить... ну хотя бы здесь, в этом доме. Не самое худшее место в деревне, уж поверь.

О том, что будет, если налет не удастся, главарь предпочел не говорить. То ли считал лишним, а судьбу Киры в таком случае — очевидной. А может, щадил девочку, не считая нужным сверх меры ее страшить.

— Условия те же? — напоследок поинтересовался один из разбойников.

— Разумеется, — отвечал главарь, — деньги — половину кладем в тайник, половину распределяете между собой. Товар какой попадется... его сбыт я тоже беру на себя. Без обид. Вы же сами понимаете: вам, сколько ни дай, все пропьете и спустите на продажных трактирных девок-страхолюдин. Бр-р-р... А так хоть какой-то запас получается. На черный день.

Ночь Кира провела в доме, который занимал Вакар. Просидела-продрожала в углу единственной комнаты на соломенной подстилке. Но опасалась девочка напрасно. Разбойник не только не пытался «надругаться», но и вообще почти не обращал на свою личную пленницу внимания.

А наутро с пару десятков разбойников, включая Вакара и других убийц Ланика и отца Киры, направились к тракту, девочку прихватив с собой. Путь действительно занял весь день, да и то в спешке. На привал, например, останавливались лишь раз. Не зря ведь деревня, занятая шайкой, когда-то обнищала и была заброшена. Проходи тракт поближе, кое-что и ее жителям могло перепасть.

До места назначения — широкой земляной полосы, как шрам пересекавшей заросший луг — разбойники добрались уже в сумерках. И лишь тогда решились дать себе полноценный отдых. Назначив часовых, завалились спать, а Киру, дабы не сбежала, для надежности связали. Сделать последнее, кстати, без напоминания со стороны поделщиков пришлось Вакару. Выражение лица у разбойника при этом сделалось чуть ли не виноватым.

На рассвете часовой растолкал остальных: караван приближался! И хозяева его, судя по всему, время ценили, не желая его тратить столь бездарно, как на сон. Большинство разбойников залегли в зарослях, обрамлявших обочину, или в ближайшей канаве. Пара лучников укрылась в росшей неподалеку маленькой рощице.

Заминка вышла разве что с одним вопросом: где должна находиться Кира. Один из разбойников — тот, который давеча зарубил топором полудурка Ланика — предлагал

оставить девочку связанной прямо на тракте, на пути каравана. Но от затеи этой пришлось отказаться. Сама Кира остороженько так и вежливо предположила, что тогда она окажется ближе к караванщикам, чем к участникам налета. А значит, удача ее перейдет опять-таки к каравану.

Детина с топором, конечно, презрительно и скептически хмыкнул. Но остальные разбойники с доводом девочки согласились. Так что позицию та заняла в тылу передовой группы, засевшей в зарослях.

Первыми вступили в игру лучники. Едва только на широкой полосе тракта показались лошади с шедшими в авангарде охранниками, из рощицы вылетели одна за другой две стрелы. Первая воткнулась прямо в лицо одному из охранников, вторая угодила его товарищу в незащищенную шею.

Лошадь третьего охранника порывалась встать на дыбы от испуга, тот смог успокоить ее в последний миг... и оттого потерял время. А где-то неподалеку меж тем щелкнула тетива арбалета, и небольшой юркий болт вонзился злополучной лошади в бок.

На этот раз удержаться в седле охраннику не удалось: сброшенный, он рухнул на землю и больше не поднялся. А из зарослей один за другим повылазили разбойники с мечами и кинжалами.

«Засада! — разнеслось в утренней тишине, — грабят!»

Конным охранникам не составило бы труда перетоптать пеших налетчиков... будь у них побольше места для маневров. Однако на полосе тракта, не слишком широкой да еще запруженной вереницей повозок, возможности такой не было. Напротив, в ближнем бою конники оказались уязвимы. Вернее, лошади. Стоило подобраться к животному да пырнуть кинжалом — и очередной всадник был обречен.

В крайнем случае, можно было метнуть в лошадь нож. Таковые в разбойном арсенале тоже имелись.

Конечно, беззащитными и конных охранников нельзя было назвать. Однако даже особо ретивых, недосигаемых для ближней атаки, удавалось сразить стрелой или арбалетным болтом. Разили лучники и арбалетчики нападавшей стороны раз за разом без промаха.

Да, двум из охранников хватило догадливости спешиться. И в бой они вступили уже твердо стоящими на ногах, на земле. Вот только численный перевес был отнюдь не на их стороне.

И, разумеется, в охране тоже имелись свои арбалетчики. Но вот незадача: меткость в этот раз изменила им. Ни один из выпущенных ими болтов не попал цель.

И потому меньше чем за час все было кончено. Тела охранников валялись поперек тракта или у обочин. Работники мирные, безоружные, успели дать деру, да так, что никто и не заметил.

— Это все? — вопрошал один из разбойников, настороженно озираясь и вытирая левой рукой пот со лба. Рука правая на всякий случай продолжала сжимать рукоять кинжала.

Как оказалось — не все. В одной из повозок, ближе к хвостовой части каравана, обнаружился один живой человек. Совсем молодой, длинноволосый... и одетый непривычно богато для провинции.

То оказался сын главы купеческого дома из самой столицы. И караван он вел не столько для торговли, сколько для переезда в один из провинциальных городков. Где все дешевле, люди беднее... а значит, можно по дешевке скупать тамошнюю землю. Ну и продавать потом — когда цивилизация, разносимая по всему миру имперскими легионами и боевыми

виманами, окончательно закрепится в этом глухом месте.

Задумку свою купеческий сынок полагал почти гениальной. Не учел он только одного: в провинции народ, хоть и небогат, но и не беззащитен. А иные местные обитатели могут оказаться даже опасными.

Теперь же юное дарование от стяжательства волок, ухватив рукой за волосы, один из разбойников — показать подельникам этот живой трофей. Впрочем, к чести купеческого сына, сориентировался в обстановке тот быстро. И поступил, как и подобает достойному представителю торгового сословия. То есть поспешил предложить пленившим его головорезам что-то вроде сделки.

— Нет! Не убивайте меня! — голос пленника звучал пронзительно и чуточку плаксиво, — мой отец богат! Он заплатит выкуп!

— Главарь разберется, — решил разбойник, державший его за волосы. И остальные спорить не стали.

В конце концов, только умница-главарь мог повернуть дельце с выкупом. Привлечь кое-кого из чиновников в провинции, пообещав им долю от выкупа, передать через них папаше-купцу послание от плененного сыночка. Потом назначить время и место — когда и куда должен быть доставлен выкуп. Да еще так, чтобы, во-первых, не раскрыть убежища шайки, а, во-вторых, избежать такого исхода, когда и главарь, и другие разбойники получают от вероломного купчины булат вместо золота, причем в спину. Последнее могло случиться, если пленника преждевременно освободят. Ну, или будут держать недостаточно далеко от заботливого родителя.

Впрочем, волноваться рядовым членам шайки было по большому счету не о чем. Свою часть дела они сделали. И то, что в руки им попал некто богатый и готовый не скупясь выкупить свою свободу, иначе как чудом назвать было нельзя. До сих пор в плен попадали разве что мелкие сошки, вроде купеческих приказчиков да чиновников средней руки. И то редко. Чаше же разбойникам из заброшенной деревни приходилось довольствоваться товарами да кое-какими деньгами, отнятыми у караванщиков.

Но на сей раз с караваном им повезло, причем вдвойне. Мало того, что с ним шайка получила драгоценного пленника. Так, вдобавок, коль купеческий отпрыск направлялся не продавать, а скупать, вез караван не столько товары, сколько деньги. Точнее, целые сундуки с монетами. Их разбойники обнаружили, обыскивая повозки.

Не погрешил бы против истины тот, кто сказал бы, что эта шайка сорвала большой куш. А главное — в этот раз обошлось без потерь.

Подобно большинству людей обоих миров, к паукам Илья Криницкий испытывал стойкую антипатию. Не страх, каковой по отношению к маленьким членистоногим охотникам присущ разве что детям или слабонервным дамочкам. Скорее, пауки вызывали у Ильи смесь ненависти и отвращения — желание давить этих мелких вездесущих тварей, едва те только попадали в поле зрения.

Причем, в отличие от многих собратьев по биологическому виду, ненависть свою Криницкий мог объяснить.

Да, он понимал: для человека пауки неопасны и даже безвредны. Не считая разве что их некие экзотические и непременно ядовитые разновидности, обитающие где-то в джунглях. В некотором смысле пауков можно было назвать даже полезными, ведь питаются они всякими досадными насекомыми, вроде комаров и мух.

Но соль заключалась в том, что поведение и повадки насекомых, в том числе досадных, человеку были все-таки ближе. Более того, они легко очеловечивались. К примеру, пчелы и муравьи напоминали работяг. Осы — тоже тружеников (тружениц), но рангом повыше. Вроде стройных и строгих, затянутых в облегающие деловые костюмы, бизнес-леди. Мухи и тараканы смахивали на ошивающихся по помойкам бомжей, комары — не то на алкоголиков, не то на наркоманов, чья жизнь проходит в погоне за дозой. Бабочки с легкостью могли сойти за модниц-красавиц, а кузнечики за типичных гуляк-раздолбаев, вроде современных Илье клаберов. Не зря же в американском аналоге «Басни про стрекозу и муравья», собственно, стрекозу замещал не кто иной, как кузнечик.

Что до паука, то он не просто подкарауливал, ловил и пожирал всех этих «очеловеченных» насекомых, но убивал их медленно, скорее всего, мучительно. Ни дать ни взять маньяк или изверг почище эсэсовцев! Более того, известно, что после спаривания самка паука пожирает самца... притом, что и сама проживает не намного дольше. Становясь для своих новорожденных детенышей первым в их жизни завтраком.

В общем, мораль здесь и рядом не валялась. Очеловечить паука, в отличие от насекомых, совершенно не получалось. Зато получался из их поведения готовый образ отвратительного монстра.

И это еще пауки обычные — маленькие, гнездящиеся где-нибудь за шкафом или под кроватью, и легко убиваемые ударом тапка. Что уж говорить про тех их собратьев, которых Илья и его спутники встретили на пути в Темные Земли.

...Следуя за нелюдимом-Проводником, Илья, Малран и Кира сперва отыскивали в горном склоне темнеющий вход в пещеру, замаскированный зарослями. Маскировка была не ахти, но внимание отвлекала. Случайный путник, если вдруг забредал в эти безлюдные места, легко мог пройти мимо такого входа. И в голову бы ему не пришло бы им воспользоваться. Если вообще кто-то в здравом уме мог решиться на такое — прогуляться в Темные Земли без помощи Проводника.

Пещера оказалась туннелем. Его потолок, на второй сотне шагов достигший высоты двух человеческих ростов, и формой сделавшийся почти сводчатым, у Криницкого вызывал ассоциации с туннелями же из его родного мира. Железнодорожным туннелем, туннелем метро. Метро, правда, Илья видел только по телевизору, зато поездом ездил несколько раз. Когда ТЮЗ-кормилец сподоблялся выехать на гастроли.

Сходство нарушали неровные, выщербленные самой природой, стены. А еще особенные подземные грибы, то тут, то там примостившиеся на этих стенах. От грибов исходил тусклый зеленовато-голубой свет, будто привлекавший к ним внимание, выделявший из пещерного мрака. Все равно как маркером цветным обвести наиболее важные элементы рисунка — смотрите, мол, не проходите мимо.

Только вот от самой темноты такое освещение не спасало. Так что очередные путники, задумавшие посетить земли по ту сторону гор, не могли обойтись без факела. Этот, последний, несла в руках Кира, поскольку именно ее Проводник считал слабым звеном. Раз в бою проку от нее, скорей всего, не будет или будет мало, так пусть хоть принесет пользу в качестве источника света. Примерно так с ходу рассудил Проводник, спорить с которым не позволялось. Да и как спорить, если доводов ни у Ильи, ни у Малрана, как, впрочем, и у самой Кире все равно не имелось?

А то, что уже в туннеле путникам придется драться, стало ясно, когда те прошли по нему около километра. Тогда-то и показались многочисленные занавеси паутины, свисавшие с потолка, покрывавшие обширные участки стен, а кое-где сплошь драпировавшие побочные туннели-аппендиксы, ответвлявшиеся от основного.

Если приглядеться, можно было разглядеть кости... черепа и конечности, навеки запутавшиеся в тенетах. Еще Илья высмотрел там один почти целый скелет — человеческий.

Размерами здешние паучьи сети могли соперничать с сетями рыболовными. Или с занавесками в городских квартирах родного мира Ильи Криницкого. Кое-где поближе к стенам, прикрытые паутиной как маскировочной сеткой, лежали кладки паучьих яиц — каждое размером с крупное яблоко или небольшой ананас.

Под стать оказались и сами пауки. Величиной с небольшую собаку, они с шуршанием перебегали по паутине, едва учуяв поблизости что-то живое... съедобное. И даже не дожидались, пока кто-нибудь потревожит их сети — сами первыми спускались, хищно шевеля жвалами и сверкая в темноте множеством маленьких глазок.

Эти многочисленные... неестественно-многочисленные глаза, кстати, послужили еще одной из причин ненависти к паукам Криницкого. А размеры этих существ, позволявшие рассмотреть их в подробностях — все их уродство — то ощущение только усиливали. Приправляли инстинктивным отвращением.

«Мерзкие создания!» — с содроганием думал Илья, заведя их впервые, а рука сама потянулась к эфесу меча. Одного вида пещерных пауков хватало, чтобы вызвать у него желание броситься на них. И рубить, кромсать да заодно выжечь паутину вместе с кладками. Чтобы навеки избавить мир от этих ошибок природы.

И... обернувшись и посмотрев краем глаза на побледневшего Малрана, Криницкий тогда не без удовлетворения понял: его бывший наставник чувствует примерно то же самое. Только куда острее — в силу юношеского пыла.

Что ж, возможно, в иной схватке ярость — штука небесполезная. Вот только в данном случае Проводник считал, что крайне необходимо сохранять спокойствие, хладнокровие. О чем и проинструктировал своих подопечных на подходе к паучьим гнездовьям.

Не умолчал он и о том, как следует сражаться с многоглазыми тварями. Пока паук спускается, можно попытаться насадить его на меч, пронзив брюхо. Здесь, правда, была вероятность, что тварь сверзится прямо на тебя — что, как минимум, неприятно... б-р-р. Поэтому, как советовал Проводник, лучше от паука немного отступить, дав тому приземлиться. А остальное на выбор.

К примеру, можно познакомить жвала паука с разящим клинком. Проверить, что крепче. То-то незадачливый пещерный обитатель будет обескуражен, если то, что он сдуру принял за еду, окажется невкусным, вообще несъедобным и даже вызывающим боль.

Если же целить в жвала, причем в потемках, у бойца не хватает сноровки и меткости, сподручней паука обездвижить. Одним размашистым ударом подрубить сразу несколько его конечностей — на поверку довольно тонких и хрупких. Главным, конечно же, было нарушить симметрию, позволявшую пауку распределять свой вес равномерно на все восемь ног и передвигаться ими в любом выбранном направлении. Если конечности удавалось подрубить удачно, паук уподоблялся стулу, у которого отпилили одну или две ножки. И заваливался на бок, не в силах ни продолжать движение, ни даже стоять. Отчего превращался в существо обреченное, беззащитное и, разумеется, не опасное. После этого можно было пронзить паучье брюхо мечом, а можно оттолкнуть поверженное членистоногое пинком куда-нибудь в угол. Ну, или просто игнорировать.

К сожалению, не всегда конечности можно было подрубить столь удачно. Иногда паук сохранял способность передвигаться, хоть и не так ловко. И тогда мог пойти в последнюю, отчаянную атаку... хотя мог и, напротив, обратиться в бегство.

Кроме того, даже сама по себе попытка обездвиживания паука была сопряжена с риском. Если твой меч коротковат — а у Ильи и Малрана клинки были отнюдь не двуручные — тогда, при атаке, рука, держащая оружие, могла оказаться слишком близко от смертоносных жвал. И тут уж схватка начинала сильно смахивать на дуэль: побеждал тот, кто первым успевал нанести удар.

Наконец, можно было попытаться прижать паука к полу пещеры навесным ударом. И либо разрубить его надвое, либо настолько повредить, что двигаться членистоногому станет уже не под силу.

Разумеется, и здесь имелись свои сложности. Для успеха навесной атаки клинок требовался потяжелее... ну или удар посильнее. Вдобавок, что хуже всего, паука нужно было подпустить к себе поближе — почти вплотную. И трудно было представить, чтобы злобная многоглазая тварь не воспользовалась столь удачной позицией. Не попыталась бы, по крайней мере.

В общем, выбор был всегда. Но ни один из способов, перечисленных Проводником, не был до конца безопасным — на то и битва. И не давал стопроцентной гарантии успеха. Вот потому и требовалось в сражении с пауками оставаться хладнокровными, а значит, расчетливыми. Дабы не лезть на рожон, не переть лбом на членистоногих супостатов с криками «Ура!» или «Бей гадов!». Но всякий раз выбирать наиболее подходящий способ уничтожения или обездвиживания очередного многоглазого чудища, встретившегося на пути. Не говоря уж о том, что смотреть на огромных пауков следовало при этом без содрогания, без страха и рвотных позывов. Человеку же слабонервному и эмоциональному сделать это оказалось бы наверняка не под силу.

«Да вы не волнуйтесь, — не то подбадривал подопечных Проводник, не то тонко издевался над ними, — не такие уж эти твари и крупные. А по сравнению с некоторыми обитателями Темных Земель — так вообще мелкота. Потому их сюда, в пещеры и загнали. Как самых слабых».

Вот Илья и не волновался — успокоился при виде пауков достаточно быстро. Ведь действительно, утверждение, что могло быть и хуже, иногда неплохо поднимает боевой дух. Вслед за спокойствием пришло ощущение некой привычности: пауки стали вызывать

эмоций не больше, чем, например, навоз в хлеву. Да, приятного в нем мало. И запах скверный, и вляпаться по неосторожности можно. Однако лучше все-таки не вляпываться и не нюхать, а убирать.

Вот Криницкий и убирал — разя мечом пауков одного за другим. Занятия с Малраном не прошли даром: каждая схватка бывшего актера с очередным тупым членистоногим занимала считанные секунды и заканчивалась для Ильи успешно, а для паука смертельно. Бывший наставник, впрочем, управлялся не хуже.

Наверняка и присутствие Киры с ее странным даром способствовало победной поступи людей через паучьи гнездовья. Сама девушка, правда, тряслась и бледнела, чуть ли не в панику ударялась, завидев очередную многоглазую тварь. О том, чтобы ей самой поучаствовать в схватке, разумеется, не могло идти и речи. Ну да, впрочем, и необходимости в том не было.

И все бы было ничего, и путь в Темные Земли прошел бы относительно гладко, если бы все опасности, поджидавшие на нем, сводились только к паукам да неотступной темноте. Но, увы и ах, это было совсем не так.

Убедиться в сем путники смогли через час после того, как гнездовья пауков остались позади, и Проводник решил объявить привал. «По вашу сторону гор наверняка уже ночь подходит», — так пояснил он свое решение. А Илья не мог хотя бы мысленно не придраться к этой формулировке. Ведь сказал Проводник именно «по вашу сторону гор», а не, к примеру, «снаружи». Что наверняка вышло бы короче... то есть, предпочтительнее для этого малообщительного субъекта. Но вот соответствовало ли действительности?

Мозг Криницкого, ничем не обремененный, сразу выдал, на сей счет целых два предположения. Во-первых, в Темных Землях, стараниями тамошних колдунов могла царить вечная ночь. Темнота на двадцать четыре часа в сутки, отсюда и название. Ну а во-вторых, как вариант, Темные Земли могли являться отдельным миром, с этим связанным лишь посредством туннеля. Подобно тому, как дыра-пятно связывало данный мир с родиной Ильи. Почему нет? Ведь не зря Проводник говорил, что нельзя просто взять и пройти в Темные Земли — напролом, через горы. А попасть можно только через единственный туннель.

А коль мир другой, то и времена суток должны меняться по-своему. Разве нет?..

На привале подопечные Проводника кое-как перекусили взятой в дорогу снедью... холодной, ибо костер развести в туннеле не получилось бы — дров-то не было. После перекуса путники отдыхали, сидя на земляном полу, вытянув ноги, а спиной прислонившись к неровным каменным стенам.

За чередой схваток, успевших показаться бесконечными, пришло расслабление на пару с довольством. В такие моменты мир ощущается лучше, чем он есть на самом деле. Так получилось и теперь. Вездесущие светящиеся грибы стали казаться почти красивыми, горное нутро под сотнями метров каменной толщи — чуть ли не уютным. Где-то журчал ручеек, стекавший, наверное, аж с самой заснеженной вершины одной из гор. Действовал этот звук умиротворяюще.

И именно в такие моменты непременно случается что-то нехорошее.

Первым неладное заметил Малран. Сначала чутким слухом воина он уловил едва слышный звук... посторонний, затем обернувшись на него, всмотревшись в чернеющую глубь туннеля, приметив замаячившую и приближающуюся фигуру. Человеческую.

— Кого это еще сюда занесло? — пробурчал варвар, поднимаясь на ноги и хватаясь за меч.

Проводник покосился на него, лицом выражая одновременно недовольство... и сочувствие, чуть ли не снисхождение. Коего достойны обычно калеки, нищие и умственно отсталые.

— А... не стоит, — бросил он небрежно, — побереги лучше силы. Они тебе пригодятся... против настоящих противников.

— А это?.. — не понял Малран.

— Память отшибло? — бесцеремонно перебивая, ответил Проводник вопросом на вопрос, а еще один вопрос добавил сверху, — я кому про Пещеру Иллюзий говорил... наверняка ведь говорил? Причем не горам.

— Вот как, — с почти детской обидой в голосе молвил Малран, — так это там... не человек?

— Иллюзия, — было ему ответом, — не знаю, откуда они берутся. То ли это ошиваются призраки тех несчастных, кто сунулся сюда и погиб. А может, развлекается кто-то. Какое-то существо, могущественное, но страдающее от скуки. Покинуть это место не может, вот и дурачится от нечего делать. Или вообще свихнулось.

Когда успокоенный Малран вновь оглянулся в сторону маячившей в темноте человеческой фигуры, последней уже и след простыл. Зато с другой стороны от остановившихся на привал путников из темноты показались сразу два человека. Причем, по меньшей мере, один из них — с луком... и уже натянутой тетивой.

Тетива тренькнула — очень правдоподобно. И пущенная стрела пролетела буквально в миллиметре от Малрана, едва успевшего отклониться. При этом ловкость изменила молодому варвару, и он неуклюже завалился на спину. А увидев в тот же миг насмешку на лице Проводника, был готов врезать по этому лицу со всей силы. Причем желательно мечом или боевым топором.

— Говорил же, — произнес Проводник, словно оправдываясь.

Малран в ответ только рукой махнул: отвяжись, мол.

— Хоть ты-то их отгони, — вслух обратился бывший наставник Ильи к своему ученику, причем голосом почти жалобным, — тебе же вся эта волшба — плюнуть и растереть.

— Не думаю, что это волшба, — возразил Криницкий, разводя руками.

Однако почти сразу же был вынужден признать свою неправоту — хотя бы отчасти. Иллюзии, принявшиеся досажать путникам, были порождены все-таки магией... однако своеобразной. Более прочной, более основательной что ли, чем те фокусы, которые использовали имперские «чароплеты». Во всяком случае, когда Илья посмотрел в сторону фантомного лучника и его напарника, те истаяли на глазах. Вместе со второй стрелой, которую лучник уже приготовился выпустить.

Вот только не успел Криницкий порадоваться победе, как в глубине туннеля вспыхнула стена огня. И устремилась прямо на путников, полыхая жаром и распространяя запах гари и

копоты. Захотелось поскорее вскочить на ноги и бежать. Бежать от огненной стены — все равно куда, но как можно быстрее.

Илья едва подавил в себе такое желание, дав огню пройти совсем рядом с ним. Лицо обдало жаром, выступил пот... но этим все и ограничилось.

Не клюнул на очередную уловку Пещеры Иллюзий теперь и Малран. Хотя, справедливости ради, далось ему это гораздо труднее. Он выругался, когда стена огня проходила рядом, и предпочел от греха подальше вжаться спиной в стену.

А вот Кира... Кира на огненный фантом совершенно не среагировала. Не завизжала по девчоночьи, не ударилась в бегство, даже не отшатнулась, уходя с его пути. Другое дело, что причины такого спокойствия оказались совсем не радостными. Потому что так же девушка перестала вдруг реагировать и на весь внешний мир. Но сидела безучастной куклой и не желала ни двигаться с места, ни даже шевелиться. Глаза ее остекленели...

— Эй! Как там тебя... невольница? — недовольно вопрошал Малран, склонившись над Кирой.

Крепко схватив ее за плечи, молодой варвар с силой встряхнул девушку.

— Ты это брось! — скомандовал при этом он.

— Нет... Вакар... нет, нет! — слабым голосом, но все-таки отозвалась Кира.

— Вакар? — не понял Малран, — это кто еще такой — Вакар?

Он не знал имя разбойника, некогда пленившего Киру, но сжалившегося над нею и заступившегося за нее перед поделщиками. Вообще о пребывании спутницы в разбойничьем плену, случившемся почти десять лет назад, молодой варвар никогда не слышал. И уж тем более ведать не ведал, чем закончилась та веха в ее жизни.

Надо сказать, что тогдашняя «светлая полоса», привнесенная в жизнь шайки пленной девочкой-талисманом, продлилась около года. Выкуп за купеческого сынка главарь получил. Причем папаша из столицы не поскупился, как не пробовал переиграть разбойников — и деньги сохранить, и отпрыска вызволить.

Но и это оказалось лишь началом. В последующие месяцы шайке из заброшенной деревни попадались только богатые караваны... и обеспеченные путники. Этих, последних, в руках разбойников успело угодить трое. И за освобождение каждого из них перепали шайке неплохие деньги. А главное: налет за налетом проходили без потерь. Но потом...

Мудрость разных народов на разный лад утверждает одно и то же: если попытаться ухватить разом слишком много или откусить слишком большой кусок, добром это не кончится. Не могло закончиться и для шайки, пленившей Киру.

Уж очень выдающимися оказались успехи лихих людей. Слишком заметными. И стали вызывать тревогу властей — причем даже в самой столице. Так что не стоило удивляться, что на искоренение разбоя в неблагонадежной провинции Империя отрядила целый легион да еще с усилением в виде магов и боевых виман.

Невидимая госпожа Удача, хранившая тех, кто окружал Киру, наверное, старалась изо всех сил. Однако когда в дело вступают такие силы, никакое везение уже не играет большой роли. Около недели потребовалась имперским воинам и магам, чтобы обшарить провинцию вдоль и поперек, выследить зарвавшуюся шайку и обнаружить ее убежище. Около недели — после чего многострадальная деревенька была окружена бравой имперской тяжелой пехотой, а сверху, с бортов виман маги обрушили на нее огонь и молнии. С намерением, не иначе, выжечь разбойное гнездо со всеми его обитателями.

Кире тогда посчастливилось спастись — в общей суматохе и точно не без везения.

Огненные шары и прочие смертоносные игрушки, скидываемые магами, пролетали мимо девочки, а устроенные ими пожары ей удалось миновать, оставшись невредимой. Когда же Кира добралась до позиций имперских воинов, никому из них и в голову не пришло в чем-то подозревать тщедушную девчонку, тем паче связать ее с разбойной шайкой. Киру, конечно, задержали и допросили в командирском шатре... но больше для проформы. Удовлетворились объяснением, что девочка-де была похищена разбойниками, и они держали ее в погребе, били и плохо кормили (вот жалость-то!). Посочувствовав нелегкой судьбе бедняжки, ее отпустили на все четыре стороны.

Спасся ли кто-то из разбойников — Кира не знала. На самом деле выжил лишь главарь. Почти десяток лет спустя, кстати, он еще попытался продать некое украшение из этого мира одному из бонз в родном городе Ильи Криницкого. И тем невольно поспособствовал крутым переменам в жизни самого Ильи.

Кира о том не знала... а теперь вот, захваченная чарами Пещеры Иллюзий, видела перед собой одного из разбойников. Конкретно — своего заступника Вакара. Только выглядел он так, каким и полагалось быть человеку, слишком близко познакомившемуся с боевой магией имперцев. А выжившему после этого не иначе как чудом.

Обгоревшая дочерна, высохшая и потрескавшаяся кожа, отдельные клочки опаленных волос, еще державшиеся на голове. Мученически выпученные, готовые не то лопнуть, не то вывалиться из орбит, глаза с покрасневшими белками. Оскаленный рот, лишенный губ. И иссохшие руки со скрюченными пальцами — они еще походили на ветви мертвого дерева.

Обезображенное существо, некогда бывшее разбойником Вакаром, тянуло к Кире руки, пока не добралось до горла, не сомкнуло на нем пальцы. И принялось душить девушку, одновременно зачем-то тряся, как плодовое дерево, когда хочется сбить с него поспевшие яблоки или груши. А знакомый с детства голос приговаривал: «Это ты во всем виновата... если б не ты, мы бы жили себе спокойно. Добычи меньше, зато шкура целая. Надо было сразу тебя убить... убить... убить... убить...»

Он тряс ее и душил, душил и тряс. Голову пытался оторвать, не иначе. А Кире только и оставалось, что взмолиться из последних сил: «Нет, Вакар, нет, нет!»

— ...кто это — Вакар? — недоуменно вопрошал Малран, слыша эти слова, доносящиеся из рта оцепенелой, потерявшей связь с реальностью, девушки. И тщетно пытался привести ее в чувство.

— По-твоему, это важно? — окликнул молодого варвара Проводник.

— А что тогда? — огрызнулся Малран, а Проводник поморщился. Вот ведь, мол, работенка у меня: приходится объяснять очевидные истины всяким недоумкам.

— Эта девчонка во власти Пещеры Иллюзий, — вслух отчеканил он, — и, похоже, оказалась слаба духом. Или совесть нечиста... слишком нечиста, я бы даже сказал.

Покорно кивнув — поняв бесполезность своих усилий — Малран отпустил девушку, и та в бессилии повалилась на бок. Из рта у нее потекла слюна.

В последний момент Киру подхватил, не давая упасть, Илья Криницкий. Несколько мгновений он удерживал ее, а затем, вздохнув, выпустил тоже, но привалив спиной к стене пещеры.

— Если это чары, то разрушить их я не могу, — растерянно сообщил бывший актер.

— Попробуй для начала разрушить... ну, водопад, например, — с сарказмом предложил Проводник, — или ветер. Или солнце потушить. Нет, ребята, так вы ее не спасете.

— А как? — в голосе Малрана послышалась нетерпеливая злость. Как у человека,

вынужденного не меньше часа стоять в очереди, еще подумалось тогда Илье.

— Как-как — убраться отсюда надо, если до вас не доходит, — столь же раздраженно, в тон ему, отвечал Проводник, глядя на молодого варвара, как на идиота, — убраться как можно дальше. Сила Пещеры Иллюзий распространяется лишь на небольшую часть туннеля, так что не волнуйтесь. Далеко отсюда она нас достать не сможет.

— Ну, мы-то понятно, — сказал на это Криницкий, — уйти отсюда сможем. А с Кирой как быть? Она не то что идти не может — того и гляди, вообще упадет.

— Вот и еще один глупый вопрос, — Проводник хмыкнул, — не испытывайте мое терпение. Уж на него-то, я уверен, вы оба знаете ответ. Раз девушка сама никуда не уйдет, надо ее отсюда вы-нес-ти. Понятно?

— Вынести? — хором повторили растерянные Малран и Илья.

— Именно, — подтвердил Проводник, — так что определитесь, кто потащит бедняжку, как, и в какой очередности.

А затем, после секундной паузы, еще добавил, внося ясность:

— На меня можете не смотреть. В мои обязанности... по условиям сделки, это не входит — девиц всяких таскать, бесчувственных. Я ведь все-таки Проводник, а не носильщик.

А той же ночью, только в другом мире — в родном городке Ильи Криницкого, в одном из тамошних домов случился переполох.

Хотя стоп: здесь не помешает уточнение. Назвать дом, о котором пойдет речь, просто «одним из...» было бы слишком пренебрежительно. Конечно, по сравнению с дворцами на набившей оскомину Рублевке он выглядел скромно. Как и рядом с когда-то основательно измусоленным журналюгами замком, принадлежащим некой звездной паре, чьи имена-фамилии слишком известны, чтобы их повторять.

Тем не менее, на фоне провинциального городишки, казался этот дом сосредоточием роскоши. Три этажа, высоченный забор, подземный гараж и охрана, разумеется. Имелись у дома и два преимущества перед теми же рублевскими хоромами. Во-первых, одиночество — как у анчара из одноименного стихотворения Пушкина. Других подобных сооружений поблизости не было. Ну а во-вторых, располагался дом на холме, значительно удаленном от, собственно, города. И тем напоминал обитель не то злобного гения из фильмов, не то самого Дракулы. Не реального исторического персонажа — господаря Валахии, но горячо любимого тем же кинематографом графа-вампира. Не хватало только молний, что озаряли бы дом на пару с холмом по ночам.

Молний в эту ночь не было, поскольку не было грозы. А вот шум откуда-то взялся. И разбудил хозяйку дома... вернее, приживалку, де-юре числившуюся супругой хозяина.

Она поднялась с широченной кровати, которую делила с мужчиной, годным ей в отцы... и потому, наверное, за глаза называемым «папиком». Высокая тощая бабенка, она была способна выглядеть эффектно в вечернем платье и потратив вагон косметики. Однако теперь, всклокоченная, в почти прозрачной и коротенькой ночнушке, смотрелась она, скорее, жалко. Таким же жалким в своей нездоровой претенциозности было сорвавшееся с ее уст непечатное выражение.

Прислушавшись, хозяйка-приживалка догадалась, что источник шума находится внутри дома, а не снаружи. Хотела вызвать охрану, благо, тревожная кнопка располагалась на расстоянии вытянутой руки от супружеского ложа. Но любопытство пересилило страх. И неловко переступая — ни дать ни взять, цапля, гуляющая на болоте — женщина направилась туда, откуда, предположительно, шум и доносился.

Путь хозяйки-приживалки лежал в будуар — так она называла комнату, специально выделенную ей для нарядов, косметики и просто уединения. Причем еще хозяйская супруга любила произносить это слово с особой интонацией, вдобавок, нарочито картавя, искажая звук «р» на конце. На французский манер, как наивно думала она. Но на деле выходило, скорее, по-одесски.

Шум нарастал. В будуаре как будто возился медведь или случилось небольшое землетрясение. И женщина успела подумать, что еще не поздно отступить. Вернуться в спальню, к тревожной кнопке. А со странностями и опасностями пускай разбираются профессионалы.

Но и этот раунд внутренней борьбы остался за любопытством. Подойдя к двери, хозяйка-приживалка осторожно отворила ее... и в оцепенении замерла на пороге.

То, что открылось за дверью, не только превзошло всякие ожидания этой женщины, но и вовсе не укладывалось в ее картину мира. Да и большинства людей тоже. Посреди

комнаты, сияя как маленькое солнце, висело одно из украшений, подаренных «папиком». Его хозяйская супруга еще прозвала «золотой бородой» и «цепью с отростками». Висело украшение прямо в воздухе, излучая во все стороны свет... и притягивая к себе другие, находящиеся в будуаре предметы.

Небольшое зеркальце, бутылочка с туалетной водой, отделанный под старину подсвечник и брошь с изумрудом — они уже тоже поднялись в воздух и теперь вертелись вокруг «золотой бороды» эдакой фантасмагорической каруселью. Но и этим не ограничилось. С хлопаньем открывались выдвижные ящики под трюмо, распахивались и снова закрывались дверцы платяных шкафов. Время от времени то из тех, то из других что-то вылетало: тюбик помады, например, тушь или, скажем, предмет нижнего белья. Вылетало и присоединялось к воздушной круговерти вокруг сияющей золотой вещицы.

Хозяйка-приживалка не знала, сколько простояла так, недвижимая, и, затаив дыхание, не в силах оторвать взгляд от зрелища, подарить которое способен не всякий галлюциноген. Так продолжалось, пока от одного из выдвижных ящичков с хрустом не оторвалась ручка, чтобы тоже устремиться в полет.

«Ой! А ломать-то зачем?» — с досадой подумала женщина... и тут оцепенение покинуло ее. А уже считанные секунды спустя весь дом, все три этажа, проснулись от ее истошных, истерических воплей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net